

Клара Коваль

Мир Отражения

Хроники Темной
Стороны

18+

Клара Коваль
Мир Отражения.
Хроники Темной Стороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50815448

SelfPub; 2020

Аннотация

История из жизни людей и не только людей, живущих в мире Отражений и Темной магии.

Жертва

Остров тонул в тумане. Он исчезал только иногда, в жаркий июльский полдень, в день летнего Равноденствия, по воле самой Владычицы острова, Верховной Жрице Богини Матери, или в час Пса и Волка, когда мир Отражения начинал погружаться во тьму. Сейчас был час Пса и Волка. Верховная Жрица стояла неподвижно и смотрела, как сгущаются за окном сумерки. Лицо ее было задумчивым, а в глубине глаз – таилась печаль. Во всяком случае, так показалось молодой служительнице Богини, когда она подошла к своей госпоже, с поклоном и приветствием.

– Ты опоздала, Моргана. – Верховная Жрица взглянула на служительницу. – Я просила прийти тебя раньше.

– Прости меня, госпожа. – молодая женщина молитвенно сложила руки. – Мне пришлось задержаться. Вы же знаете, как это бывает... Когда прощаешься.

Верховная Жрица с сомнением оглядела служительницу. Та выглядела усталой, но скорей всего, это была обычная усталость, а не последствия пророческого транса.

– И все же следовало быть более осторожной. – сказала Владычица. – Тебе не следовало соглашаться гадать сейчас. Это может ослабить твои силы.

– Со мной все в порядке, госпожа.

– Надеюсь, что так. – Верховная Жрица улыбнулась, но ее

глаза по прежнему были печальны. – Давай же приступим к обряду.

– Да, госпожа. – с готовностью отозвалась служительница.

Верховная Жрица отошла от окна и приблизилась к зеркалу, стоящему посреди зала. Ее руки, уверенно и неторопливо скользнули по нему и прозрачная поверхность стала черной, как тьма за окном.

– Моргана!

Служительница шагнула на зов. В тот же самый момент Верховная Жрица отступила в сторону и последнее, что в этой жизни увидела Моргана – было ее собственное отражение. Оно вспыхнуло – невыносимо ярким пламенем и исчезло. А за ним в том же потоке пламени исчезла и она сама.

Утро следующего дня наступило рано и было на удивление ясным и солнечным.

– Редкий день, сынок. – сказал старый рыбак, выглянув в окно. – Благословенный Великой Богиней.

Его сын, худенький, темноволосый мальчик лет семи тоже подошел к окну и покосился на солнечные блики.

– Значит, дождь не пойдет? – спросил он. – Но ведь ты уверял, что у тебя все кости ноют, из-за того, что ветер меняется...

– А ты, значит, обрадовался, что мне плохо и собрался весь день бездельничать?

– Я не обрадовался...

– Тогда ступай и займись делом. Что за несносный мальчишка! Мало ему, что он урод без рода и племени, так еще и лентяй каких поискать. И как мне только в голову пришло, взять в свой дом это отродие, который и собственной матери был не нужен...

Мальчик выскочил из дома. Слушать дальше разглагольствования старика, ему совершенно не хотелось, тем более большую часть того, что тот хотел сказать, он уже выслушал. Ну, а меньшую – какой он грубый, необщительный и неблагодарный – можно было отложить на вечер. Мальчик шел по берегу моря. Оно тоже было необычно спокойным, ярким и ясным, как небо над головой. Его взгляд устремился дальше – и на черте моря и неба он увидел отливающие золотом горы. Горы Острова Туманов.

– Священный Остров? – в недоумении пробормотал мальчик. – Но – как? Ведь его никогда не видно!

– Эй, выродок! – донеслось до него вместо ответа. – Тебе дома не сидится? Решил нам весь день испортить?

Он обернулся. Занятый созерцанием острова, мальчик совсем не заметил, как его окружила целая толпа ребят из поселка. По возрасту большинство из них были его старше, однако, они никогда не упустили случая сказать, да и сделать ему какую-нибудь гадость. И сейчас случай им представился. Мальчик отступил назад, пытаясь сообразить, куда можно сбежать. Но бежать было некуда.

– Давай, урод! – закричал один из ребят. – В воду прыгай!

– Ага, поплавай, а мы посмотрим! – поддержал его второй. – Утопить его, ко всем демонам морским! – предложил третий. – Глядишь и не будет больше неприятностей!

– Ведьмино отродие! – завопили остальные.

Мальчик отшатнулся и вскинул руки. Тот час же резкий порыв ветра пронесся по берегу, поднимая в

воздух песок. На небе, еще недавно чистом, появились облака – и вместе с песком на всех собравшихся на берегу обрушились потоки дождя. Мальчишки с криками ужаса бросились бежать врассыпную, а он по прежнему продолжал стоять на месте, со вскинутыми вверх руками, пока дождь и песок не обрушились на него самого. Он тоже закричал. Но не от страха. От боли. Неконтролируемая магия была не хуже оружия. Да она и считалась оружием, причем во многих частях королевства не только смертельно опасным, но еще и запретным...

– Нет! – кричал мальчик, безуспешно пытаясь отклонить от себя потоки магии. – Я не хочу! Не хочу! Мама!

И тут все стихло. Он пошатнулся, но не упал. Кто-то подхватил его на руки. Сильные и явно, не женские. Но он все равно повторил:

– Мама!

– Тс-с! – руки сжали его сильнее. – Успокойся, малыш.

Мальчик поднял голову и посмотрел на своего спасителя. Им оказался высокий, светловолосый мужчина, одетый как воин. И все же не похожий на воина.

– Что ты делаешь, Артур! – к ним подошел еще один мужчина, постарше, но одетый похоже. – Это же очень опасно!

– Тогда тебе следовало быть расторопнее. – отмахнулся светловолосый. – В конце концов, кто из нас больше маг?

Второй мужчина только головой покачал.

– Откуда его принесло? – спросил он. – Здесь же живет самая обычная деревенщина!

– Рыбаки. – поправил его светловолосый

– Неважно. – усмехнулся тот. – Магов тут никогда не бывало. Так откуда же этот появился?

Светловолосый промолчал. Он разглядывал мальчика. А тот продолжал прижиматься к нему и похоже, никуда уходить не собирался. Мужчина улыбнулся.

– Я заберу его, – сказал он. – Нельзя его оставлять здесь. Найди его родных и поговори с ними.

– Артур!

– Делай, что я тебе говорю, Мерлин! – в голосе светловолосого послышались властные нотки. Старший мужчина подчинился.

– Мы отправляемся в Камелот, – снова заговорил молодой мужчина. – И думаю, твои родные согласятся отпустить тебя с нами.

– У меня нет здесь родных. – мальчик доверчиво взглянул на него. – Мама оставила меня здесь.

– Давно?

– Да. Мне тогда два года было.

Светловолосый мужчина подхватил его на руки.

– Дальше мы поедem верхом. – сказал он. – Ты никогда не ездил на лошади?

– Нет.

– Что ж, тогда самое время попробовать. Как, кстати, тебя зовут?

Мальчик снова взглянул на него и обхватил руками за шею. Его голос прозвучал еле слышно:

– Мордред.

На острове Туманов, на них через зеркало смотрела Верховная Жрица. Теперь ее глаза не были печальны. Обряд получился и жертва Морганы не была напрасной. Ее сын проживет долго: и свои годы и годы своей матери... В доме своего отца. И то, что видела Моргана, еще до его рождения, уже не исполнится.

Мир Отражения. Первое тысячелетие. Хроники Срединных земель: Люди.

Пророк

Луна была огромной, яркой и золотисто-розовой, как обычно во вторую ночь полнолуния... Эриен потер виски: голова после обезболивающего зелья не болела, однако тяжесть и усталость, сопутствующие боли, все же никуда не делись. И это тоже было, как обычно.

Эриен прислонился к стене. Ее камни приятно охладили спину, да и свежий, ночной ветер, обдувавший его время от времени был не таким уж резким и порывистым. Не то, что внизу, на открытой площадке святилища Древних. В святилище факелы почти погасли, хотя время рассвета еще не наступило...

– Эриен! Эриен, ты здесь?

Он непроизвольно дернулся. Тот, кто его позвал, не повышал голоса, но не смотря на это, даже сам звук речи был ему неприятен! Он предпочел бы сейчас никого не видеть...

– Эриен, – говоривший подошел к нему почти вплотную. – Мне очень жаль тебя тревожить. И все же, я знаю...

– Нет, не знаешь, – перебил его Эриен. – Что ты можешь знать об... – тут он запнулся, подыскивая подходящее слово, однако так его и не нашел.

Пришелец протянул к нему руку. Коснулся пальцами волос и щеки. Волосы Эриена были влажными, щека – очень бледной и холодной, как брюхо очищенной рыбы. И глаза его казались рыбьими: пустыми, холодными и бесцветными, с застывшими темными зрачками...

– Эриен, тебя не так часто просят, – проговорил пришелец. – Последний раз это было пять лет назад и с тех пор, никогда, ни разу, мы тебя не просили.

– Да, – согласился Эриен. – И что?

– Теперь мы просим.

Эриен не ответил. Он молча оперся на протянутую руку и они отправились вниз, в святилище.

Вторая ночь полнолуния, ночь Предсказаний и Пророчеств вступала в свои права: с каждым часом ее луна наливалась золотисто-кровавым светом, обретая все большую силу и могущество.

Эриен запрокинул голову, вглядываясь в волшебный свет и стараясь запечатлеть его в памяти: ведь стоило ему только впасть в транс и его сознание словно растворялось в крошечной тьме: без малейшего звука, без малейшего движения и, конечно же, без малейшего проблеска света.

Эриен забывал все, даже свое имя, и только одна мысль-воспоминание о золотисто-красном свете возвращала его

назад: к жизни, к храму, к народу своему и...к Ней. К Ней, к Владычице Небесной, чья милость и чье покровительство сделали его тем, кем он был и кем оставался: Пророком.

Как ожидал Эриен на площадке святилища ветер оказался куда более резким и холодным, чем наверху. Пророк натянул капюшон, запахнулся в плащ и то же самое, почти одновременно с ним, проделал его сопровождающий. Зато человек, ради которого сочли нужным потревожить Эриена, не замечал ничего: ни холодного ветра, ни самого пророка. Погруженный в размышления, он стоял прямо и неподвижно и его взгляд был устремлен вглубь святилища, туда, где догорали факелы.

Эриен остановился возле него. Сказать, что он был удивлен, это ничего не сказать! К тому же кроме удивления пророк так же испытывал разочарование и гнев. Единственный, кто мог обратиться к нему с просьбой заглянуть в будущее, был правящий князь его племени. А этот гость храма им не был!

– Кто ты? – спросил Эриен. – И что тебе нужно от меня?

Вместо ответа незнакомец вскинул голову и пожал плечами. Очевидно, что он тоже оказался разочарован и вопросом и самим пророком.

– Ты в самом деле можешь видеть будущее? – запинаясь проговорил гость храма.

Вместо ответа Эриен поправил плащ.

– Да, могу. Но ты не ответил на мой вопрос. Кто ты?

– Мое имя – Тарис. Я наследник князя, – он снова запнулся. – То есть был им.

– Был?

– У меня нет тейна, – теперь гость не запинаясь, а напротив говорил очень быстро. – И я уверен, что на ближайшем празднике я его не найду. А это уже третий праздник. Мне восемнадцать.

Эриен наклонил голову.

– Те, кто не имеют пары, на третий год уже знают о том.

– Да, – согласился Тарис. – Но как раз я – не знаю!

Эриен недоверчиво усмехнулся.

– Чтож, иногда можно и обмануться. Если, конечно, жаж-

да жизни чересчур сильна.

– Но я, как жрец, тоже ничего не вижу, – вмешался сопровождающий Эриена. – Я не вижу не отсутствия тейна, а тем более, приближающейся к наследнику смерти.

– А, – протянул пророк и умолк.

– Поэтому мы решили обратиться к тебе, – продолжил жрец, – Предсказатели могут ошибаться, но не ты. Ты же понимаешь, что это не рядовой случай, сейчас речь идет о будущем княжеского рода...

– Так вы поможете мне? – снова вмешался Тарис.

Эриен бросил на него испытующий взгляд.

– Да, помогу. Иди за мной.

Они пересекли площадку и оказались у самого края святилища. Эриен коснулся ладонью установленного там зеркала из черного камня, затем взял такую же чашу с питьем и сделал из нее несколько глотков.

– Остальное тебе, – сказал он Тарису. – пей.

Тот подчинился. Когда питье было выпито жрец забрал у него чашу и подтолкнул к Эриену.

– Что я должен делать? – хрипло спросил Тарис.

– Ничего, – ответил Эриен. – Дай мне свою руку. Так... Запомни, юноша, ты увидишь то же что и я. Запомни и не проси объяснений – потом.

– Да, я понимаю, – еле слышно проговорил Тарис.

Эриен закрыл глаза. Питье начинало действовать: его чувства и ощущения с каждой минутой обострялись, его кровь быстрее бежала по венам и обдавала жаром, а в руке бились чужие, горячие пальцы. Усиливался шум. Перед глазами плыло пламя, которое очень скоро сменилось кромешной тьмой. Эриен услышал, как закричал Тарис и это было последним, что он услышал. А потом...

Тьма и безмолвие – исчезли. Эриен увидел каменистую вершину. На ней, опираясь на алебарду, стоял воин в темных одеждах. Восходящее солнце заливало багровым светом небо и скалу и должно быть от этого представшая перед ним картина выглядела такой пугающей. Воин был еще молод, не старше того же Тариса, но выглядел куда более опасным и жестоким. Широкие скулы, чуть скошенные золотистые гла-

за с вертикальными зрачками, тонкие губы и темная кожа – делали его еще более отталкивающим. Он смотрел вверх и Эриен проследил за его взглядом. Желтоглазый смотрел на знамя, развевающееся по ветру: огромное алое полотнище с двумя черными драконами...

Эриен услышал шум ветра, вдохнул сухой и горячий воздух и опять провалился во тьму.

Это пробуждение выдалось долгим и неприятным. Да и времени тоже прошло порядочно: прошло почти двое суток. Эриен очнулся только под вечер третьего дня и еще целая ночь ушла на то, чтобы привести себя хоть в какой-то порядок... Тариса в храме уже не было и хотя это было вполне ожидаемо, но пророку совсем не понравилось.

– Он ушел? – спросил он у жреца.

– Да, – ответил тот. – Не имело смысла ему оставаться тут... Да и в племени тоже. Если наследник не может обеспечить хороший союз для своего народа, то его тут никто держать не будет.

Эриен скривил губы.

– Он сказал еще что-нибудь?

– Сказал, конечно. Сказал, что его тейн – южанин, так что ему будет лучше отправиться на Юг.

– И все?

– Да.

Эриен задумался. Перед его глазами опять появились: алое полотнище с двумя драконами, скалы, дышащие огнем и темное, жестокое лицо со звериными глазами. Юг! Юг, конечно, огромен и что еще хуже, опасен, так что Тарис может там погибнуть или затеряться навсегда... Но, это скорей всего, было к лучшему. Кем бы не были южане, но они были все-таки людьми. Людьми!

Эриен потер виски. На следующее полнолуние в храм непременно явится князь, чтобы заглянуть в будущее. А значит – ему следовало хорошо отдохнуть и собраться с силами.

Мир Отражения. Первое тысячелетие. Хроники Северных Земель: драго.

Пограничье

Свет вокруг кажется очень ярким и его яркость режет

взгляд до боли. Я закрываю глаза, однако, идти с закрытыми глазами нельзя. Мне приходится смотреть под ноги или по сторонам, и боль снова возвращается. К сожалению, болят у меня не только глаза.

Боль сводит все тело, бьется в голове и избавиться от нее нет никакой возможности.

Закрываю я глаза или нет, но она все время со мной.

– Эй! А ну, стой!

Я открываю глаза. Прямо передо мной стоит высокий мужик, одетый во все черное и в руках у него копье, с двумя лезвиями. Да, похоже, я попал. Вернее, это ему ничего не стоит в меня попасть.

– Ты кто? – высокий делает ко мне шаг.

Я вздрагиваю. Голос у него резкий, грубый и звучит до странности знакомо. А может у всех воинов голоса похожи? Но тогда... Что тогда?

Я знаю, что воинов следует бояться, пусть и не помню почему. А что, кстати, я вообще помню?

– Имя у тебя есть? – спрашивает высокий.

– Да...

Мой собственный голос звучит хрипло и еле слышно. Свет вокруг начинают меркнуть, перед глазами все плывет. Ноги у меня подкашиваются и я падаю. Последнее, что остается в памяти – это лицо высокого и слова... Не его, он то, как раз в этот момент сжимает губы...

"Эльфийское отродье!"

Света уже нет.

Как ни странно, но меня это обстоятельство не огорчает. Ну, то есть почти не огорчает. "А что если я ослеп?" – думаю я и тут мне становится страшно. Как можно жить, если ничего не можешь увидеть? Как?

"Мерзкий эльф!" – снова звучит Голос. Причем звучит не вслух, а совсем по другому...

"Помолчи, Касаз. Лучше помолчи."

"Еще чего!" – кричит тот и я тоже не выдерживаю. Вскри-

квиваю.

– Пришел в себя? – спрашивает меня собеседник Касаза. – Можешь говорить?

– Да-а, – выдавливаю я не слишком уверенно. – Могу.

– Что то не похоже, – бормочет тот. – Давай потом поговорим. Назови только свое имя. Имя же у тебя есть?

Я ничего не отвечаю. Конечно, имя у меня есть, но... Какое? Да и кто такой я сам? Где я сейчас нахожусь? И главное – с кем?

– Я не помню... Не помню... Кажется, я заболел.

– Тебе вовсе не кажется, – возражает теперь мой собеседник. – Ты пришел больным. Три ночи назад.

– Три ночи? – повторяю я.

– Да. Я полагаю, ты из города. Там сейчас зараза. В этих местах она случается. Ничего не поделаешь, здешние земли для нас не подходят...

– Для нас?

– Нелюдей, – поясняет тот и тут же спохватывается. – Вот что, малыш, давай отдыхай. Потом поговорим. Может быть, к тому времени, ты и имя вспомнишь.

– Корис. Меня зовут Корис. – говорю я и проваливаюсь в сон.

Под возмущенный вопль невидимого Касаза:

"А-а, эльфийская полукровка!"

Ночи на Болотной Пустоши очень длинные. И холодные.

Впрочем, как раз холод мне здорово помогает. Я переношу его куда лучше, чем тот же Пазгиз. А Пазгиз...

– Соберись, наконец, – шипит он. – Ну же!

В ответ на его требование, я конечно же открываю глаза. Мне не стоит этого делать, но я всякий раз делаю. И всякий раз это кончается одинаково.

– Да что же это такое! – вопит Пазгиз. – Ты зелени наелся или просто такой болван? А? Отвечай!

– Не знаю, – отвечаю я и весь сжимаюсь. Пазгиз сжимает губы, он явно вне себя от гнева и посох в его руках начинает вытягиваться и выбрасывает два изогнутых лезвия.

"Эльфийское отродье!" – слышу я, но это уже говорит не Пазгиз.

– Живо иди в дом! – кричит Пазгиз. – Живо!

Это второе требование я выполняю в точности: бегу к дому не оглядываясь. Пазгиз же остается на месте и начинает разбираться со своим посохом, который не желает принимать прежний вид и требует моей немедленной смерти. Похоже, терпения у него меньше, чем у того же Пазгиза. Да и эльфов он ненавидит сильнее. Ничего личного или особенного. Просто магия...

Наконец, через какое время появляется Пазгиз. Недовольный, хмурый, с пятнами на щеках. Руки у него дрожат.

– Холодно, – произносит он и усаживается у очага, в котором пышет жаром крупный камень. Я не отвечаю и Пазгиз тоже умолкает. Он протягивает руки к камню и я смотрю на них, не отрываясь. Особенно на ногти, черные, короткие и острые. У меня они точь в точь такие же. Но вот остальное...

– У тебя все получится, – говорит Пазгиз уже без злобы. – Если есть способности, то и стихия у тебя должна быть. Ничего, как только потеплеет, попробуем еще.

Я согласно киваю, хотя мне пробовать еще не хочется. Со всем! Тот же посох уже пообещал выпустить из меня кишки, в ближайшее время. Он, не в пример Пазгизу, твердо уверен, что я унаследовал стихию от своего родителя эльфа. И его уверенность мне очень не нравится...

– Надо бы тебе имя дать, – продолжает Пазгиз. – Не звать же тебя этой мерзкой кличкой!

– Ничего, мне нравится, – возражаю я. Но Пазгиз остается непреклонен.

– Учитель всегда дает ученику имя, – замечает он. – Так принято. Только эльфы имена не меняют, но что с них взять! А равняться на них, себя не уважать.

В ответ я молчу. После болезни я так и не вспомнил своих родителей. Странно... Но кое о чем это все же говорит. Ведь если я не испытывал к ним большой привязанности, то что говорить об уважении?

– Зима не скоро закончится, – задумчиво произносит Пазгиз. – Так что подождем. Время еще есть.

Я снова согласно киваю, хотя вовсе с ним не согласен. Пазгиз – слишком стар, его посох – слишком зол, а я слишком хочу жить, увы! Но пока...

Пока ночи здесь очень длинные. И холодные!

Сегодня за окном – метель.

Когда идет снег и дует ветер, люди называют такое метелью. Пазгиз прибавляет к их названию еще парочку своих, и понятное дело, они не означают ничего хорошего.

– От этой белой пакости запросто можно помереть, – заявляет Пазгиз. – Так что из дома не шагу! Хотя... – он запинается и оглядывает меня. – Тебе выйти можно. Только не надолго и одеться нужно потеплее.

– И куда мне идти? – спрашиваю я.

– Никуда! – отвечает Пазгиз. – Я же сказал – что ты только выйти можешь! А про гулянку разговора не было.

Я вздыхаю и заворачиваюсь в одеяло. Встать не хочется, да и Пазгиз этого не требует. Больше того, он бросает мне свое одеяло и садится к очагу. Туда же он подвигает свой посох, но это уже зря. С ним точно ничего не станется!

"Север и здесь бывает, да?" – замечает посох.

"Да, Касаз, – вздыхает Пазгиз. – Иногда бывает. Здешние уверяют, что это случается редко и обычно не надолго."

"Здешние мне не нравятся, – шипит посох. – Большинство из них полукровки. Да еще человеческие!"

"Куда уж без людей, – отмахивается Пазгиз. – Мы ведь в Пограничье".

А посох продолжает шипеть. Ему не нравится решительно все. Здешние обитатели, здешние места, решение Пазгиза обосноваться на Болотной Пустоши, и конечно же, ему не нравлюсь я... Я, пожалуй, в первую очередь.

"Эльфийский выродок!" – зло припечатывает он.

"Всего наполовину," – возражает Пазгиз.

"С ним и половины хватит!" – стоит на своем посох.

– Учеников нам Моргот посылает, – говорит Пазгиз уже вслух и смотрит на меня. А я...

– Это совсем не обязательно, – бормочу я.

– Помолчи, – советует мне Пазгиз. – Я сам со всем разберусь.

В последнем я не сомневаюсь. Не сомневаюсь так же что ничего хорошего из этого разбирательства не выйдет. Тот же посох говорил неоднократно, что учениками магов могут стать только потомки магов, а что до меня... Демоны и Боги, я ничего не знаю о себе и о своих родителях, что уж говорить о предках! К тому же во мне есть кровь эльфов. Так какой из меня ученик?

– А разве мы недавно не пытались? – спрашиваю я.

– Плохо пытались, – отмахивается Пазгиз. – Я же вижу, способности у тебя есть! Осталось только узнать твою стихию.

"Ага, узнавай, – тот час же откликается посох. – Мало что ли ты с эльфами сталкивался в свое время!"

"Он не эльф!" – сразу же замечает Пазгиз.

"Глаза открой!" – посох прямо излучает возмущение.

Пазгиз подходит ко мне. В полумраке его глаза кажутся ярко-желтыми, как огонь. Огонь! Если бы у меня он был тоже! Но это уже явно не с моим счастьем.

– Впрочем, стихия не так уж важна, – уверяет Пазгиз. – По крайней мере, в начале подготовка у всех магов идет одинаково. Изготовление зелий и смена личин. Вот этим мы и займемся в ближайшее время.

Я теряю дар речи. И посох – тоже. Хотя его общение с Пазгизом вряд ли можно назвать речью. Но тем не менее, сейчас он молчит, хвала Всемогущим!

А за окном по прежнему – метель. Идет снег и дует ветер.

У Пазгиза бессоница. Он сидит у очага, кутается в одеяло и время от времени бормочет что-то очень ругательное. Во всяком случае, я думаю, что это именно ругательства. Вот только спросить его я не решаюсь. Пазгиз и в обычном состоянии легко срывается. А уж в таком, тем более...

Ближе к вечеру Пазгиз уже не бормочет. Он подходит ко мне и решительно встряхивает.

– Поднимайся! Дело ждет!

– Какое? – не слишком радостно спрашиваю я. Так как уже догадываюсь...

– Зелье нужно готовить! – подтверждает мою догадку Пазгиз. – Живо!

Я не возражаю. Пазгиз вручает мне молоток и готовка начинается. Я сижу на полу и бью молотком по болотным камешкам, пока они не превращаются в пыль. Нудное занятие, и что еще хуже – долгое. Но Пазгиз уверен, что так надо.

– Порошок всегда должен быть под рукой, – заявляет он. – Мало ли что?

– А что именно?

– Да что угодно!

– И все же?

– Не твоего ума дело! – огрызается Пазгиз. – Готовь и по-

малкивай!

Я умолкаю. Собираю порошок, затем пересыпаю его в кувшин с отбитой ручкой. Странная вещь, похоже, эльфийская. Но о ней я лучше спрошу у Пазгиза как-нибудь потом. Не сейчас!

– Скоро будет полнолуние, – задумчиво произносит Пазгиз и смотрит при этом на меня. – Так что, готовься.

– К чему?

– Зелья варят в эти ночи, – Пазгиз все так же задумчив. – Гм... Интересно, что получится у тебя?

"Да ничего у него не получится!" – встревает Касаз. Ох, будь он неладен!

– А разве зелья готовятся не одинаково? – уточняю я.

– Одинаково, – соглашается Пазгиз. – Только ведь кровь у всех разная.

– Кровь?

– Да. Зелья готовятся на своей крови. К тому же в каждую

ночь полнолуния получается по разному...

Я смотрю на закопченный котел в углу. При мне Пазгиз его еще ни разу не использовал. Однако... Сколько же в него нужно влить крови?

– Это не слишком приятно, – вздыхает Пазгиз.

Не слишком приятно?! Ничего себе!

– Маги переносят потерю крови легче чем не маги, – продолжает Пазгиз. – Особенно в полнолуние.

– А сколько времени до полнолуния? – спрашиваю я дрожащим голосом.

Пазгиз оборачивается и его лицо расплывается в улыбке. Очень нехорошей улыбке...

– Немного, – отвечает он. – Как раз завтра.

Завтра?!...

Порошок из болотных камней похож на пыль. Самую обычную, серую. Но когда котел начинает нагреваться на

камне в очаге, пыль темнеет. Становится почти черной.

– Давай, не бойся, – говорит Пазгиз.

Я смотрю на него и сжимаю нож, до боли в пальцах. Пазгиз стоит у двери, опираясь на свой посох, который уже успел выбросить два лезвия. Так что бежать мне некуда. Некуда!

– Давай же, – повторяют Пазгиз, уже более настойчиво и посох в его руках упирается уже не в пол, а в меня...

Я зажмуриваюсь и бью ножом по левой ладони. Больно! Но что еще хуже, кровь течет медленно, по капле.

– Опустит руку, – командует Пазгиз.

Я подчиняюсь. Кровь начинает течь быстрее, какими-то странными и резкими толчками, ее словно вытягивают из меня...

– Это сила Полнолуния, – небрежно поясняет маг. – Дальше все зависит от твоей крови.

Проходит почти час. Я смотрю на кипящее варево в котле. Неужели оно было когда-то моей кровью? Запах, конечно, не с чем не спутаешь, но все же...

Пазгиз тоже принюхивается. Вид у него настороженный и озабоченный, очевидно, что что-то пошло не так как ожидалось. А что, собственно, ожидалось?

"Подозрительная гадость, – ворчит Касаз. – А уж запах!"

"Зелья всегда пахнут неприятно," – возражает Пазгиз. Однако большой уверенности в нем не чувствуется.

"Зелья пахнут как зелья, а это отравка какая-то!" – огрызается Касаз.

"Ну... Не попробуешь – не узнаешь."

"Я его пробовать не собираюсь!" – истошно верещит Посох.

Пазгиз вздыхает и подходит ко мне. Я пытаюсь встать, но в глазах у меня темнеет, и бывший боевой маг с легкостью перехватывает мою руку с ножом...

– Эй, парень, – говорит он. – Научись сначала с ним обращаться!

Я начинаю вырываться. Конечно это глупо, а главное –

безнадежно, но после того что произошло близкое присутствие Пазгиза кажется мне совершенно невыносимым.

– Утром узнаем, что у тебя получилось, – замечает маг. – Да не дергайся ты так! Все уже закончилось.

– Отпусти меня! Сейчас же! – требую я. Но Пазгиз стоит на своем.

– Сейчас ты даже встать не можешь, – говорит он. – Так что прекрати орать и дай мне тебе помочь.

– Обойдусь! – огрызаюсь я.

– Хорошо, сиди тут. Только не пытайся еще что-нибудь сделать. Иначе тебе же дороже выйдет.

Я отворачиваюсь. Пазгиз усаживается за стол и начинает листать книгу. Черную и большую... Магическую.

– Утром все узнаем, – повторяет он. – Будем надеяться, что все прошло нормально.

– То есть?

– Если все прошло нормально, то второго раза нам не по-

требуется.

"Иди ты к богам, Пазгиз," – возмущается Касаз.

И на этот раз, я с ним полностью согласен.

Я открываю глаза. Утро? Не похоже. Уже давно стоит день, причем белый, снег под лучами солнца отливает всеми оттенками смертоносного эльфийского серебра. Эльфийского?

Я приподнимаю голову. Пазгиз сидит, согнувшись, возле очага и вид у него не радостный. Понятное дело, мое зелье оказалось никуда не годным, но... Почему все же он так расстроен?

– Пазгиз?

Старый маг оборачивается и смотрит на меня. Взгляд его меняется, становится каким-то странным, неуверенным...

– У меня не получилось? – спрашиваю я, тоже не слишком уверенно.

– Получилось, – отвечает Пазгиз. – Но не то, что нужно.

– А что?

– Яд, – Пазгиз отводит взгляд в сторону и замолкает. – Отрава Моргота. Слышал о таком?

Я отрицательно качаю головой. И Пазгиз поясняет:

– Это очень редкий яд. Его можно достать только в Мордоре. Ни один маг не может создать его сам. То есть... Не мог, до тебя.

– У меня это случайно получилось, – оправдываюсь я. Но не слишком убедительно.

– С твоей кровью что-то не так, – продолжает Пазгиз. – Может после болезни? Или все же тут замешано твое происхождение?

– Я не эльф.

Пазгиз не отвечает. Думает.

– Плохо, что я ничего не знаю о полукровках, – наконец говорит он. – Да и в болезнях не очень разбираюсь. Конечно, тебя должен учить, тот кто знает. Вот только где его взять?

Я не знаю что сказать и перевожу взгляд на Посох. За все время Касаз ни разу не вмешался в наш разговор, почему? И тут я замечаю, что он весь покрыт какими-то бурыми пятнами, а его двойные лезвия выглядят ржавыми. Всемогуший Моргот, что

же с ним случилось?

– Этот яд убивает все живое, – замечает Пазгиз. – И магическое тоже, но не так...

– Не так?

– После его применения, Посох оживает, через несколько часов, – поясняет Пазгиз. – А его владелец – нет, так что для него это тоже смертельно. Магические предметы питаются магией своего хозяина, а без еды... Сам понимаешь.

Я понимаю. И от этого понимания, мне становится плохо, до тошноты...

– Не бери в голову, малыш, – Пазгиз подходит ко мне. – Используй при готовке зелья чужую кровь, вот и все. А в следующее полнолуние мы попробуем смену личин! Это будет проще, чем зелье!

Я улыбаюсь. До следующего полнолуния еще месяц, целый месяц! И может Пазгиз прав, с личинами у меня получится? Должно же у меня хоть что-то получится?

Или – нет?

Снег тает. Болотная Пустошь выглядит как болото: грязное, непроходимое и мерзкое, Пазгиз пребывает в таком же мерзком состоянии (болеет), а я... Что я? Не то что бы доволен, но меня радует, что наши магические занятия отложены. Причем, на неопределенный срок.

– Если так пойдет, я ничему не успею тебя выучить, – задумчиво изрекает Пазгиз. – А мой Посох тогда...

Касаз с ответ выбрасывает свои лезвия. Он всегда так поступает, когда злиться, а с недавних пор, он злиться постоянно. И причин для этого у него больше, чем достаточно!

– Я отвар приготовил, – бормочу я.

Пазгиз оборачивается и бросает на меня почти испуганный взгляд. Да, уж... Моими отварами хорошо разве что врагов поливать во время боя или травить колодцы тех же врагов

гов. Но никак не лечиться! А хуже всего, что я сам не могу приготовить даже обычный, не магический отвар. У меня всегда выходит только яд. Что уже неоднократно проверено, тем же Касазом...

– Не терпится меня угробить? – язвит Пазгиз.

– Нет, – возражаю я. – Это из старых запасов. Я только чуть-чуть подогрел.

Пазгиз вырывает у меня чашку с питьем и подозрительно принюхивается.

– Вроде ничего... Жаль только, что почти не помогает...

– Из-за меня?

– Скорей всего – да. Врачеватель из тебя тот еще! Интересно, что сказали бы эльфы, если бы тебя увидели?

"Ничего бы они не сказали! – очень вовремя вмешивается Касаз. – Убили бы на месте и все!"

– А эльфы... Они какие? – спрашиваю я.

Пазгиз давиться отваром и долго кашляет.

– Тебе видней, малыш, – наконец отвечает он. – Ты же с одним из них точно имел дело. Ну или с одной.

– Я ничего не помню, – вздыхаю я. – А вы...

– А я их только убивал! – фыркает Пазгиз. – Боевые маги, знаешь ли, как то не очень любят с друг другом общаться!

– А их врачеватели?

– Целители, – поправляет Пазгиз. – С ними я тоже не общался. Ведь это чаще всего девушки, а при дележе добычи, девушки всегда достаются только вождям.

– А... Парни?

– И парни. Сходят за девчонок, да и выглядят они так же... Годятся только быть прислугой в богатом доме.

Мне становится как то не по себе.

– Пазгиз, а я... Я часом не прислуга?

– Вряд ли, – Пазгиз пожимает плечами. – Прислугу обычно клеймят. Если же нет... То господин сам виноват, в итоге.

Касаз опять ворчит что-то ругательное. А старый маг берет меня за руку.

– Во всяком случае, домашней работой ты не занимался, – говорит он. – К тому же чего только в жизни не бывает. Твои родители, оба, могли быть и свободными. Ведь эльфийская кровь есть у многих.

Я молчу. Пазгиз заворачивается в одеяло и засыпает. Я, какое то время сижу возле него, но потом не выдерживаю: в очередной раз иду проверять запасы зелья. Готового совсем немного. И если Пазгиз достаточно не поправится...

Ох! Мне даже думать об этом страшно.

На Болотной Пустоши все по прежнему. Ночью без конца льет дождь, так что остается только сидеть в хижине, а днем, когда дождь прекращается, поднимается ветер: холодный, пронизывающий и невероятно шумный.

Из-за него я никак не могу уснуть, да и Пазгиз тоже мучается бессоницей.

– На Севере и то было легче, – ворчит он. – А тут прямо

ложись и помирай. Только вот вас куда девать?

"Вас" – это Касаза и меня. С Касазом, разумеется, все понятно. Он ценный магический артефакт, принадлежит Пазгизу с незапамятных времен и о нем, следует хорошо позаботиться. Что же до меня...

"С чего ты взял, что эта паршивая полукровка кому то понадобится? – ехидно осведомляется Касаз. – Он ведь даже зелье готовить не может!"

"Может!" – решительно возражает маг.

"Это отрава, не зелье!" – сразу же замечает Посох.

"Такой яд не могут приготовить и магистры!" – стоит на своем Пазгиз.

"Да, уж, спасибо Морготу за это!"

"А за то, что Моргот его привел к нам, ты ему спасибо сказать не хочешь?"

Касаз не хочет и молчит. Маг оборачивается ко мне.

– Садись поближе, – говорит он. – Раз уж мы не спим и

магией пока заниматься не можем, то хоть поговорим.

– О чем?

– О магах прошлого. О магии...

– А это обязательно? – спрашиваю я без особой радости.

От моего вопроса Пазгиз прямо подпрыгивает на своей кровати.

– Обязательно! – рычит он. – Маг должен знать историю магов! И историю магии тоже!

Я киваю и усаживаюсь с ним рядом. День впереди недолгий, Пазгиз еще слишком слаб после болезни, так что вряд ли его рассказ затянется. А я... Я какнибудь вытерплю. Это же не камни молотком на полу разбивать, верно?

Итак, Пазгиз приступает к рассказу.

Очень давно, не менее тысячи лет назад, магией владели только эльфы. И ничего хорошо для других в этом не было. Люди еще как то их терпели, потому что тогда самих людей насчитывалось очень мало, но всем остальным эльфий-

ское владычество очень скоро встало поперек горла. Первыми восстали тролли, за ними – гномы и гоблины. И конечно же, закончилось это вполне предсказуемо.

С помощью магии эльфы почти полностью истребили троллей, уцелевших гномов загнали жить под землю, а гоблинов изгнали из их степей на Гиблые Болота. Только немногим из них удалось добраться до пограничных земель орков, однако эльфы не оставляли в покое даже этих немногих... Словом, новая война была не за горами и победить в ней орки никак не могли.

Вот тогда то к ним на помощь и пришел Моргот. Черный Дракон издавна считался покровителем Мордора. Ему там поклонялись, как божеству смерти и владыке посмертного царства. До того времени, он не особенно заботился о своих почитателях (да и те его особенно не просили о заботе), однако допустить их истребления Моргот все же не пожелал. И поэтому он решил дать им часть своей магии...

– Значит боги могут наделить магией любого? – не выдерживаю я.

– Боги могут все, – торжественно подтверждает Пазгиз. – Но совсем не так, как смертные это себе представляют.

К примеру, тот же Моргот действовал следующим образом:

Он послал к оркам своего сына, Мелькора, чтобы тот породил от их женщин магов...

– Ничего себе! – бормочу я, еле сдерживая смех. – А он что, сам не мог?..

Вместо ответа Пазгиз отвешивает мне затрещину. И причем – совсем не слегка.

– Ящерица безмозглая! – возмущенно восклицает он. – А ну прикуси язык сейчас же! Пока я тебе его не вырвал!

– Да я ничего...

– Ничего? – прерывает меня Пазгиз. – Прекращай из себя дурака делать! Да и из меня тоже. И еще, заруби себе на носу хорошенько: Моргот и Мелькор так же дураков не жалуют!

Я молчу, а Пазгиз продолжает возмущаться. Очень нехорошими словами он высказывается о молодых недоумках вообще и обо мне – в частности. И теперешнее время ему, кстати, совершенно не нравится. Кругом один разврат, упадок и никакого уважения к традициям, предкам и богам. Ну...

А затем он все же возвращается к своему рассказу.

Дети Мелькора действительно оказались очень сильными магами. Пусть не сразу, однако они сумели остановить эльфов на самой границе Мордора. Потом, через какое то время, им удалось освободить все Темные земли. Но последствия воин, как и сами воины оказались разрушительными и ужасными. Во-первых, из-за магии. Во вторых, из-за смешения крови.

– Но – как? – в недоумении спрашиваю я. – Почему?

– Потому что магия принадлежит только богам, – вздыхает Пазгиз. – А мы – не боги! И наш мир, он же для смертных, не для богов, создавался!

– Тогда откуда эльфы взяли магию? Если они были первыми магами?

– Не знаю, – пожимает плечами Пазгиз. – Во всяком случае, они об этом не рассказывали.

– Может им тоже кто то из богов помог?

Я опять получаю затрещину. Да уж... Мне все же следует быть более осторожным и с богами и с Пазгизом.

– А может ты заткнешься наконец и меня послушаешь? – зло шипит Пазгиз.

– Я слушаю...

– Так вот, смешение кровей, – продолжает маг. – Наши жрецы, да и эльфийские, между прочим, говорили что подобное допускать нельзя. До воин так оно и было, мы не смешивали кровь. Но когда началась вся эта заваруха... Стало не до того. Степные орки смешали свою кровь с гоблинами. У них женщин всегда было мало, да и гоблины нам не чужие, они из Темных земель. А эльфы? Когда воины идут по десятку лет, до дома далеко, а рядом только люди, то как тут можно удержаться? Разумеется, никак!

Я ничего не говорю. Пазгиз тоже умолкает. Вид у него усталый и раздраженный, да и руки у него трясутся. Похоже, рассказ о давних временах его вымотал не хуже, чем наши давние тренировки...

– Завтра до расскажу, – цедит сквозь зубы Пазгиз. – Так что иди, ложись. Да и я пожалуй, вздремну. Устал я что то.

Я соглашаюсь. Наверно, я тоже устал, потому что засыпаю почти сразу. Но тогда... Тогда это еще не кажется мне стран-

ным. Да, Пазгиз с Касазом так же ничего не замечают. Увы!

На Болотной Пустоши – жизнь похожа на болото: сырое, однообразное и беспросветно скучное. Я не понимаю, что здесь нашел Пазгиз, а Пазгиз на мои вопросы только пожимает плечами, уверяет, что: "Для старого мага такое место в самый раз" и больше не прибавляет ни слова. Он считает, что я, будучи магом, должен это понимать. Но я ничего не понимаю! Может потому, что я... Не маг?

Касаз, кстати, так и полагает. И в последнее время он твердит об этом все чаще. Вот и теперь – начал.

"Сколько ты намерен с ним возиться, Пазгиз?" – интересуется Посох.

"Сколько понадобится, – откликается тот. – А что?"

"Ничего. Только мне хотелось бы увидеть результат. Еще при твоей жизни."

"Ты о чем?"

"Да все о том же. Может тебе лучше признать очевидное? Парень ни разу не маг."

"Если бы он был не магом, то его бы здесь не было. Это тоже очевидно."

"А про случайности ты слышал?"

"Я слышал, что таких случайностей не бывает."

"Почему?"

"Не маг не смог бы пройти по Пустоши. Если же он смог, тем более в таком состоянии..."

"Ты даже имя ему подобрать не можешь, – замечает Каз. – Я уже об остальном молчу."

"Об остальном?"

"Чему он научился за это время? Зелья у него не получаются, стихия не проявляется, а магическую книгу – он даже открыть не может! С чего бы это, а, Пазгиз?"

"Зелья у него получаются."

"Мы уже об этом говорили, так что спорить не буду. Вот только от его зелья я чуть не умер, да и ты сам тоже каждую

чашку еще недавно обнюхивал. Боялся, как бы ноги не протянуть от его готовки."

"Хватит уже!"

"Хорошо. Но может ты все же скажешь, какой именно он маг? – не успокаивается Касаз. – Ясно же, что не врачеватель."

"Значит, он боевой маг."

"Неужели? Парень тебе в грудь упирается! Ни боевой топор, ни го, ему не поднять, а где уж ими пользоваться! К тому же ни одна ящерица, не крылатая, не бескрылая, к себе его близко не подпустит... Как и не один волк."

"А зачем они ему? Здесь, в Пограничье служат только наемники."

"Положим. Пусть здесь нет волков и ящериц, но все равно, какой из него воин? Разве что лучник. Но маг с луком... Это же полный бред!"

"Вообще то эльфы хорошие лучники."

"Эльфы, – шипит Касаз. – Может это их фокусы? Подсу-

нуть нам это... Этого!"

"Не преувеличивай!"

"Откуда же тогда взялся такой уродец?"

"Откуда угодно. Многие бывшие наемники привезли с собой женщин-людей с эльфийской кровью. За неимением лучшего."

"По мне лучше жить одному." – Касаза прямо передергивает от отвращения.

"Не все, как ты обладают магией". – замечает Пазгиз.

"Ты считаешь его родители погибли? От заразы?"

"Ничего я не считаю. Когда он болел, я заглядывал в его память, но ней все было таким перепутанным! А сейчас он совсем ничего не помнит. К сожалению."

"Будешь его учить дальше?"

"Да."

"Мне это не нравится, Пазгиз. С тех пор как он появился,

здесь творится невесть что. То дождь, то ветер, то еще ты вдруг болеть начал."

"Я знаю из-за чего заболел. Парень тут не при чем. Просто я долго пробыл на талом болоте и промок. Вот и все."

"Все?"

"Все."

"Ну, как знаешь. Чему ты собираешь его учить?"

"Я уже говорил – чему. Смене личин."

"И когда?"

"В самое ближайшее время. В первое полнолуние."

"Понятно. Интересно только, почему же оно никак не наступает? В прошлом месяце ты болел, до этого шел снег, а еще раньше был дождь с ветром."

"Ты о чем?"

"Да так. Возьми меня с собой, Пазгиз, на всякий случай. Ведь случаи бывают разные."

"Пожалуй – да," – соглашается Пазгиз и при этом смотрит на меня.

А я продолжаю свое занятие. Как ни в чем не бывало. Усердно дроблю камни молотком и проклиная тот день и час, когда попал в эту проклятую хижину.

Уже несколько дней стоит ужасная жара. Хижина Пазгиза открыта настежь, но это не помогает. А, впрочем, Пазгиз, да и Касаз в помощи и не нуждаются. Бывший боевой маг чувствует себя более, чем хорошо. Он поздоровел, повеселел и полон решимости продолжать мое обучение. Касаз его больше не отговаривает. Что же касается меня...

Днем, когда Пазгиз спит, или занят делами вне дома (о них он мне ничего не рассказывает), я брожу по Пустоши. В ней еще можно найти места достаточно прохладные. Но мне особенно нравится одно. Оно не похоже на другие: там много деревьев, почва более сухая и вода, не покрыта тиной и отливает серебром. Пазгиз как то упомянул, что неподалеку есть местечко похожее на лес эльфов. Так что, похоже, именно его я и нашел.

Чаще всего я прихожу туда ближе к полудню, когда жара

делается нестерпимой и мне никак не удастся уснуть. Здесь же, в лесу эльфов, царит прохлада: ветви деревьев надежно защищают от солнца, вода, из-за подземных ключей, никогда не нагревается... Да, тут очень хорошо. Вот только сказать об этом Пазгизу я не могу. И уж давным-давно не могу рассказать ему, что в последнее время я стал есть плоды с деревьев (то есть – зелень!) и, иногда, плескаться в прохладной воде. Прямо как человек. Или... эльф.

– Интересно, чем ты занимаешься когда меня нет? – спрашивает Пазгиз и оглядывает меня быстрым взглядом с головы до ног.

– Гуляю тут поблизости, – бормочу я в ответ, однако не слишком уверенно.

– А днем?

– Днем?

– Ты ведь и днем выходишь?

Меня пробирает дрожь. Ну, конечно, Касаз сообщил ему об моих отлучках... Кто же еще?

– Да, бывает, что мне не спиться. Вот я и выхожу похо-

дить... Немного.

Пазгиз снова бросает на меня быстрый взгляд. Волосы у меня уже высохли, зелень я постарался запить отваром на крови... Но, достаточно ли этого, чтобы маг ничего не заметил?

– Сегодня первое полнолуние, – замечает Пазгиз. – Ты помнишь о чем мы недавно говорили?

– Да, конечно.

– Приготовься, Корис. Вечером мы начнем урок.

– И что я должен делать?

– В первую очередь подготовить и взять с собой порошок.

– Взять? Куда? Разве мы уходим?

– Да, уходим, – подтверждает Пазгиз и тут же поясняет: – Ни один маг не может знать заранее, как пройдет в первый раз у его ученика смена личины. Тем более – у такого ученика...

– Что со мной не так?

– Все! – отрезает Пазгиз. – У тебя все никак у других! Но раз Моргот направил тебя ко мне...

– Направил? Как это направил? Я пришел сам!

Пазгиз пожимает плечами.

– Ходить по болоту без проводника нельзя, – замечает он. – А проводником может быть карта, болотный гоблин или магия. Карты у тебя не было, болотного гоблина тоже. Значит остается только магия.

– Или случайность, – повторяю я предположение Касаза.

– Ты дошел до самого края Пустоши, – усмехается маг. – То есть прошел ее всю, да еще за очень короткое время. Конечно же, это случайность, но такие случайности происходят только с магами. Ты воспользовался здешними источниками магии. Именно они направили тебя ко мне. А без способностей, ты уже бы умер. От болезни или в той же трясине.

– Почему же тогда у меня ничего не получается? – спрашиваю я почти с отчаянием. – Если у меня есть способности?

– Потому что, способности у всех разные, – вздыхает Паз-

гиз. – И Дар проявляет себя по разному. Не волнуйся, Корис, этой ночью мы точно увидим как он проявит себя!

Я киваю и успокаиваюсь. Пазгиз говорит так убедительно, а мне так хочется ему поверить!

– И куда мы пойдем? – спрашиваю я.

– Гм... В лес эльфов, – отвечает Пазгиз. – Это единственное место, где нет магических источников.

– А они очень нужны?

– Да, особенно для старого или начинающего мага.

– Но, почему? Почему?

– Что – почему? – сдвигает брови Пазгиз. – Ты вообще слушаешь, что я тебе говорю?

– Я слушаю.

– Интересно, чем именно? – хмыкает маг и пускается в объяснения. – Магические источники подпитывают и усиливают способности мага. Вот только для тебя это, пожалуй, лишнее. По крайней мере – сейчас.

Я ничего не говорю. А что, собственно, можно сказать, если Пазгиз прав? Остается только надеяться, что урок по смене личин у меня пройдет лучше, чем та же готовка зелий. И я – надеюсь. Вот только зря я это делаю. Ох, как зря!

Ночь, наконец, наступила. Темная и тихая, с яркой луной на небе и с обманчиво-спокойной водой на земле... Вернее, на Болотной Пустоши.

Я очередной раз поглядываю на Пазгиза. Сейчас он настроен вполне благодушно, но я насчет его благодушия не обольщаюсь. Боевые маги просто не умеют долго быть благодушными. А уж этот, демоны его забори, Посох! Похоже, к концу ночи меня им не слабо попотчуют. Ну, когда у меня опять ничего не получится.

– Корис, закрой глаза и расслабься, – советует Пазгиз. Голос у него при этом какой то не такой... Я не могу понять какой именно, однако он мне совсем не нравится. Интересно, почему?

– Протяни руки вперед, – продолжает Пазгиз все тем же противным голосом. – Вот так! Думай о том, что ты хочешь

больше всего и ничего не бойся.

Я и не боюсь. Вот только я знать не знаю – чего хочу. Разве что сбежать подальше... Но куда?

– Корис, разбуди свое желание, – нудит свое Пазгиз.

Я судорожно сглатываю. Затем протягиваю к нему руки и попадаю прямо в грудь. Несильно, конечно, ладонями. Но мое прикосновение сопровождается короткой и яркой вспышкой света. Я вижу ее, даже сквозь закрытые веки. А потом...

Начинается – нечто.

Сначала я слышу истошный визг. Вслед за ним, я получаю удар Посохом, прямо по голове. К счастью, не лезвиями, Касаз их не выпускает. Но удар все равно ощутимый, я валюсь с ног и оказываюсь в воде. Хорошо еще возле самого берега, на мелководье. Ведь плавать я не умею...

Истошный визг продолжается. Я поднимаюсь, протираю глаза и усаживаюсь обратно в воду. Потому что есть – отчего!

По берегу вместо Пазгиза носится какая-то девчонка, в совершенно немислимом платье: с двумя узкими, разно-

цветными полосками на груди и с пестрой юбкой, разрезанной на такие же полоски...

– Корис, да я тебя на корм ящерицам пущу! – Вопит девчонка. – Я тебя как девку поимею! Ты потом, тварь эльфийская, неделю встать не сможешь!

Я все же встаю. А девчонка подхватывает с земли Посох, направляет прямо на меня и...

Касаз выбрасывает два лезвия и из них две струи пламени. Я успеваю увернуться, однако огонь попадает в воду и она в один миг становится горячей. Я тоже начинаю визжать и выпрыгиваю на берег, где снова получаю Посохом по голове. Опять деревяшкой, Касаз успевает вовремя убрать лезвия.

– Девки у него на уме! – Возмущенно голосит девчонка. – Эльфик ему хочется! Да где ты, ради всех демонов, навидался таких развратниц? Где я тебя спрашиваю?

Я понятия не имею – где. А что еще хуже – я не понимаю, что вообще происходит? Где Пазгиз? Кто эта девчонка? Ну, откуда, откуда она здесь взялась?

– Не знаю я ничего! – Кричу я. – Не знаю никаких эльфик! Где Пазгиз?

Вместо ответа девчонка смотрит на меня большими глазами. Затем, она начинает кривиться, словно отведала что-то невкусное.

– Дурак ты, Корис, – наконец сообщает она. – И магия твоя дурацкая. Ты же сменил мне личину! Мне, не себе.

Я ахаю. Девчонка... То есть Пазгиз отворачивается и идет домой. Мне остается только плестись за ней, то есть за ним, следом. И мне так же кажется, что обычным разбиванием камней, Пазгиз сегодня не ограничится.

Демоны и Боги!

Первое, что делает бывший боевой маг оказавшись в хижине: это швыряет Посох подальше. Оно и понятно, Касаз хихикает, причем хихикает злорадно, ему недавние события кажутся очень забавными. А вот Пазгизу совсем не смешно. Так что веселье Касаза только ухудшает ситуацию.

Я смотрю, как маг сыпет на себя порошок и бормочет заклинания. Личина исчезает, почти мгновенно, но Пазгиза это не успокаивает.

– Корис, ты хоть понимаешь, что произошло? – интересуется он и смотрит на меня прищуренными глазами. Похоже, подозревает в чем-то мерзком... Но вот в чем?

– А что произошло? – в свою очередь спрашиваю я, после чего умолкаю и наблюдаю за тем же Пазгизом. Последний начинает прохаживаться по хижине, взад-вперед и больше на меня не смотрит...

– Когда ученик в первый раз меняет личину, то он превращается в зрелого мужчину, – говорит маг. – Для любого юнца – мужская зрелость, признак боевой мощи... Ну и опыта. Если же нет... Ты догадываешься, что это значит?

Я молчу. Конечно, я понимаю, что ничего хорошего для меня это не значит. Однако, выслушивать подробности на сколько все плохо, мне тоже не ахти как хочется.

– Тебе повезло, что личина оказалась не сильной, – продолжает Пазгиз. – Обычно ее невозможно снять два или три года. И уж точно – ее невозможно навести на кого-то другого.

– Невозможно? Но как же тогда?..

– Не знаю, – раздраженно отмахивается маг. – Не знаю, как у тебя получилось и почему! Надо будет попробовать

еще раз. Хотя...

Он запинается и умолкает. В наступившей тишине снова слышится хихиканье Касаза и мне еще больше становится не по себе. С чего можно так веселиться, а?

– Ну... А если я сам в следующий раз превращусь в девочку? – наконец спрашиваю я.

– Ученик, который мечтает не о подвигах, а о наслаждениях, может быть только наложницей своего учителя, – злобно отвечает Пазгиз и я в ужасе влипаю в стенку.

Маргот Всемогущий! Только этого мне, вернее нам, еще не хватало!

Я просыпаюсь под утро.

Кругом стоит тишина, непривычная, беззвучная. Обычно по утрам начинается гомон: те же птицы кричат или поют. Но сегодня – нет. Интересно, почему?

Я оглядываюсь по сторонам. Вокруг – никого. Меня это немного удивляет, вроде бы тут, кроме меня, должен быть

кто-то еще. Так почему же тогда его нет? Все время был, а теперь, сейчас – нет?

Я потягиваюсь под одеялом. Тепло, уютно, хорошо и делать ничего не хочется! Прекрасное утро.

Я оглядываюсь по сторонам. Все вокруг – привычное, знакомое, свое. Дверь, как обычно, приоткрыта, окно занавешено. Я долго смотрю на темную, тяжелую ткань и мне почему-то становится не по себе. Что-то не так, что-то не то, что-то случилось! Но что именно случилось и когда?

Я пытаюсь вспомнить. Но память упорно молчит. Молчит о событиях, молчит о моих близких. Полный провал, пустота. Я словно проваливаюсь в туман, в нем ничего нет и не будет. Может быть потому, что и не было ничего? Ничего яркого, запоминающегося, что стоило бы помнить?

Я натягиваю на себя одеяло. Сейчас мне тепло и хорошо. Прекрасное утро!

О последующем за ним дне и вечере – я такого сказать не могу. Кажется, я спал. А вот ночью...

Я просыпаюсь от дикого шума. Какое то время, я прислу-

шиваюсь к вою и шуму ветра и ничего не могу понять. Голова раскалывается от боли, к тому же теперь мне становится страшно. Скорей всего потому, что я знаю, кто я, где нахожусь и с кем... Кстати, Пазгиз здесь и стоит у окна, опираясь на свой Посох.

"Да что же это происходит, Мелькор- прародитель?"

"Магия", – незамедлительно отвечает Касаз.

"Откуда?"

"Понятно, что не отсюда. На твоё защитное заклинание наложилось ищущее, вот и результат."

"Кто может меня искать?"

"Тебе виднее. А может ищут вовсе не тебя."

"Кориса?"

"Скорей всего. Что ты о нём знаешь? Может быть это его отец, а может... и господин. Хотя нанимать Видящего, для поиска раба, все же слишком. Есть же охотники. Те же болотные гоблины."

"Думаешь, это Видящий?"

"А кто еще это может быть?"

"Вот только его мне тут еще не хватало, для полного счастья!"

"Ага. Не было у мага горя, так завел ученика!"

"Хватит!"

Пазгиз бросает Посох и подходит ко мне.

– Ты как, Корис?

Я бормочу что-то невнятное. Пазгиз щупает мне лоб и хмурится:

– Да ты, похоже, заболел. Ну, ничего. Думаю, к утру все пройдет, ты отлежишься.

– Что случилось?

– Тебя пытались найти и наняли Видящего. А этот олух понятия не имел, что ищет мага!

– То есть?

– Ты сам все видишь. Его магия натолкнулась на мою защиту, да еще к ней примешалась твоя магия.

– Значит, кроме боевых магов и врачей есть еще и другие? – спрашиваю я. – Кто эти Видящие?

Пазгиз пожимает плечами.

– В большинстве своем – никто. Совершенно никчемные существа. Их даже магами назвать сложно. Ищут пропавших по вещам, на них же гадают, иногда предсказывают будущее.

– Может я тоже – Видящий?

– Твою магию я очень даже хорошо ощущаю. Особенно в последний раз. Видящие же не так сильны. К тому же твои способности очень необычные, из-за эльфийской крови. Полагаю, с ними даже Верховный Магистр не сможет разобраться, не то что я... А тем более, не этот Видящий олух!

– А он...

– Если он не сошел с ума, то чувствует себя не многим

лучше, чем ты.

Пазгиз достает из сундука меховое одеяло и закутывает меня в него.

– Завтра я схожу в Город, – продолжает он. – Надо сообщить, что ты здесь, у меня то есть.

– Может мне тоже лучше пойти?

– Нет. Погода сейчас не к богам, не к демонам. Ветер...

– Что – ветер?

В хижине повисает молчание. Я жду, когда Пазгиз заговорит, но он молчит, только смотрит на меня и прислушивается к шуму ветра.

– Твоя стихия, – наконец выдавливает он. – Как же я не догадался раньше?

– О чем?

– Ты – маг Воздуха. Вот откуда все берется. То дождь, то снег, а теперь вот ветер, демоны тебя побери!

– Это так плохо?

– Не совсем. Воздушная стихия проявляется и у орков и у эльфов. У эльфов реже... Они почти все маги Воды.

– Выходит я все же Видящий?

– Вряд ли. Хотя... Я, пожалуй, приведу этого недоумка, пусть на тебя посмотрит. Во всяком случае хуже чем сейчас, дальше уже не будет!

– Если меня ищут...

– Ты не можешь вернуться домой. По закону маг твоего возраста должен жить с учителем. А я пока твой учитель.

Я киваю и плотнее заворачиваюсь в одеяло. Смотрю, как камень в очаге накаляется, делается ярко-красным и горячим. Хорошо! А Пазгиз продолжает говорить, о моем дальнейшем обучении. Он еще не потерял надежду хоть чему-то меня научить или найти того, кто сможет.

Бедный, бедный Пазгиз!

Ну, и я тоже, конечно...

Мир Отражения. Первое тысячелетие. Нечейные Земли:

орки

Недоброе утро.

Утро добрым не бывает. Даже в Такаре. Хотя, если говорить откровенно, в Такаре утра уже лет сто не было... И сегодня Робин Лучник особенно пожалел об этом печальном обстоятельстве. Потому что его пробуждение было на редкость неприятным.

Он проснулся с жутко болящей головой, жутко замерзший и при этом промокший, как мышь в пору весеннего паводка. Но до паводка было еще месяца два – не меньше. Так где же тогда он умудрился найти такую лужу? И главное – незамерзшую?

– Чтоб мне сгореть! – прошипел Робин сквозь зубы. – И Бенжиро – тоже! Чем этот старый хрыч разбавляет свой эль, если после него здоровый вампир не может до своего склепа добраться?

– Бенжиро говорит, что Вы за вечер два кувшина эля выпили, – ответил кто-то... Причем таким звонким и резким голосом, что Робин весь съежился и прижал ладони к ушам.

– Ну и чего Вы так орете? – проговорил он, запинаясь на каждом слове. – Неужели нельзя говорить потише? У меня

и так голова раскалывается!

– Ох, простите! – обладатель невыносимого голоса наклонился к нему и положил руку на плечо. – Мне в голову не пришло, что после вчерашней выпивки, да еще такой ночевки...

– О-о! – истошно заголосил Робин.

– Что такое?

– Руку убери! – взвыл вампир. – Больно же!

– Больно?

– Ты совсем с ума сошел, паладин? – Робин отскочил обратно в лужу. – Забыл, что для нас твои руки – все равно, что кипяток?

– М-м... Я не нарочно. Простите, – виновато потупился его собеседник. Или собеседница?

Робин теперь смотрел более внимательно. Короткая прическа, с зачесанными назад, ярко-золотистыми волосами, лицо, одновременно наивное и насмешливое, большие голубые глаза... И одежда тоже – золотистая и голубая, как и по-

добавляет палadini. "Не низший уровень, – подумал Робин. – Но и не высший. Вот только почему он... Или все же – она, без оружия?"

– Вы часто так гуляете? – Робин провел языком по губам. – Не вооружившись?

– Нет, – непонятный паладин, как и он, облизал губы. – Только сегодня. Мое снаряжение сейчас у кузнеца. Хочу его улучшить.

– А, понятно.

– Может нам лучше пойти ко мне? – осведомился паладин. – Здесь недалеко, а Вы... Совсем замерзли.

– Да? – криво усмехнулся Робин. – И как вы это себе представляете?

– А что тут такого? Это же не запрещено!

– Но и не принято. Верно?

– Почему же? Вампиры у нас бывают...

– Мы бываем друг у друга не просто так, – упрямо возра-

зил Робин. – А только когда ищем или меняем магические предметы.

На лице паладина появилась лукавая улыбка.

– А Вы представьте, что идете ко мне по делу. – сказал он. – И тогда остальные тоже это представят.

Робин поморщился. Идти с утра пораньше в дом к совершенно незнакомому паладину ему не хотелось, однако... Другого выбора не было. Не идти же в самом деле к себе домой, на другой конец города – с больной головой и в одежде промокшей до последней нитки?

– У вас камин есть? – спросил Робин не слишком уверенно.

Паладин согласно закивал.

– О, не только камин! Если хотите...

– Не хочу, – прервал его Робин. – Мне только нужно согреться. Ну и одежду, вместе со снаряжением подсушить.

– Конечно, конечно! Но у меня есть немного живой воды и если вы не откажитесь...

– Откажусь, разумеется! – огрызнулся вампир. – Живая вода – мне все внутренности сожжет!

– Простите, пожалуйста, – паладин покраснел. – Я все время забываю, что вы вампир. Но я так же могу вам предложить зелья здоровья.

– У меня они тоже есть, – Робин попытался смягчить голос, но – увы! Паладин, очередной раз забывшись, схватил его за руку. И лучник, очередной раз, не выдержал.

– Извините, – пробормотал смущенный и расстроенный паладин, когда Робин, наконец, закончил свою тираду. Очень длинную и непристойную.

– Ладно, прощаю, – буркнул вампир. – Только запомни уже, что я не паладин!

– Я запомню...

– Тогда идем.

Идти пришлось недолго. Его новый знакомый жил почти на самой окраине поселка, в очень небольшом доме, окруженном такой же небольшой оградой и даже без скамьи перед той же оградой. Но в самом доме был не только камин,

но и шкаф для магических предметов и лежанка для боевого питомца... Последний, кстати, лежал в ней, еще совсем крохотный волчонок – сытый и сонный.

Паладин с радостной улыбкой протянул ему руки:

– Мой красавчик серенький! Как ты? Скучал?

В ответ волчонок зевнул и слегка клацнул зубами. Робин тоже сжал зубы, мысленно обозвав себя дураком. "Как же можно было нажраться, если такое не заметить?" – подумал он.

– Э-э, простите, – вампир поудобнее устроился у камина. – Я не спросил Вашего имени... И сам не представился.

– Я знаю, как вас зовут, – заметил паладин. – Когда вы уходили Бенжиरो назвал ваше имя. Робин.

– Гм... – лучник прикрыл глаза. – Понятно. Но ваше имя Бенжиро не назвал. Так что будьте любезны – представьтесь.

– О, – паладин обернулся к нему. – Я – Рона. Мечник. Или мечница, если угодно.

Робин собрался было сообщить, что ему, вампиру выше-

го уровня, отнюдь не угодно знакомиться с наивной девчонкой из враждебной расы, к тому же принадлежащей к числу тупоумных дуболомов-мечников, однако тут Рона снова заворковала над своим питомцем и он оставил свои мысли при себе.

– Вы давно пришли в Такару? – спросил Робин через какое-то время.

– Нет, недавно, – Рона подошла к камину и протянула руки к огню.

– Быстро же у вас все появилось. – вампир огляделся по сторонам. – А ведь магическая обстановка – дорого стоит!

– Мой Создатель милостив ко мне. – девушка улыбнулась радостно и чуть насмешливо, и эта улыбка вдруг больно резанула его сердце.

– Что-то не так? – насторожилась Рона.

– Нет, – Робин отвел от нее взгляд. – Просто вы напомнили мне мою первую ученицу. К ней Создатель тоже был милостив.

– Был? – повторила Рона. – А что случилось потом?

– Потом она превратилась в ничто.

– Умерла?

– Нет, – вздохнул Робин. – В Такаре не умирают. Ничто – это ничто. Оно даже не нежить. Разве вы не видели ничего похожего в вашем поселке? Разве у вас нет домов, чьи владельцы никогда не выходят на улицу?

– Да, есть, – Рона поежилась. – На нашей улице их два... Но я как то особенно не задумывалась...

– Так задумайтесь, – посоветовал вампир. – Это очень полезно.

Рона содрогнулась.

– А эта девушка... – прошептала она. – Вы давно не видели ее?

– Да, очень давно.

– И кем же?... Кем же она была?

– Магом, – быстро ответил Робин. – Вампиром-магом.

Она сразу получила все: уникальную одежду, дорогое снаряжение, прекрасный дом и редкого питомца. А потом, когда она достигла среднего уровня, вдруг превратилась в ничто...

– И вы ничего не могли сделать? – Рона наклонилась к нему.

– Нет, – вампир зябко повел плечами. – Что можно сделать с волей Создателя?

– И все же... Вы были ее Наставником!

– Наставники учат сражаться. И – только.

– А она была хорошим бойцом?

– Она была лучшим из всех, кого я только знал.

– Но что тогда могло произойти? – Рона сжала руки. – Почему ее Создатель не дал ей подняться на высший уровень?

– Не знаю, – вампир посмотрел на нее. – Ведь воля любого Создателя непостижима... И неисповедима.

Некоторое время они молчали. Потом Рона спросила:

– А меня... Вы бы могли учить?

– Учить?

– Да! Вы же можете быть моим Наставником?

– Наставник – вампир?

– Ну и что? Учат же паладины – вампиров! Я сама видела!

А вы к тому же – высший!

– Неужели у вас нет друзей среди своих?

– Близких – нет. К тому же они все – не из высших, а Наставник должен быть лучшим!

– Вы считаете меня лучшим? – недоверчиво хмыкнул вампир. – После того, как нашли меня пьяным вдрызг... Да еще в грязной луже?

Девушка чуть нахмурилась, затем кивнула.

– Вы не потеряли оружия, даже когда оказались в луже, – сказала она. – И свое снаряжение – тоже там не оставили. Я хотела бы этому научиться.

– Научиться по лужам валяться?

– Нет, – брови девушки снова дрогнули. – Я хочу, как и вы, быть хорошим бойцом.

Робин только головой покачал.

– Я давно никого не учил... Так что вряд ли смогу...

– Я уверена – вы сможете!

– Ничего себе! И что это будет?

– Как – что? Вы станете моим Наставником и научите меня сражаться! И, может быть, не только сражаться!

– Ну, знаете ли! Напиваться я вас учить не буду!

– Значит учить меня драться – вы согласны?

Робин потер виски. Настойчивость девушки ему нравилась. Да и лесть тоже...

– Ладно, согласен, – вздохнул он. – Пришлите мне сегодня письмо. И считайте себя моей ученицей.

– А когда будет первая тренировка?

Вампир страдальчески закатил глаза.

– Гм... Завтра. Утром.

Утро, действительно, добрым не бывает!

---

3 тысячелетие. Мир отражения. Хроники магических городов – Такара

Вечер в Такаре

Этот вечер ничем не отличался от предыдущих. Робин пришел в трактир, чтобы повидать генерала Рея, отчитаться о выполненных заданиях и получить новые. На этот раз, правда, он попросил у генерала некоторую отсрочку. Потому что – последнее задание оказалось для него не очень удачным. Оборотень, которого он должен был отыскать и убить, едва не прикончил его самого. И теперь, чтобы восстановить силы, вампиру требовалось время... Хотя бы, до следующего вечера.

– Эй, Робин! – окликнул его Бенжиро, после того, как он закончил разговор с Реем и отошел от его стола. – Может

закажешь себе эля? А то ты сегодня что-то бледный. Прямо, как нежить!

– Нет, спасибо. – буркнул Робин.

– Ты, как я погляжу, все жемчуг копишь? Что ты еще себе приглядел? Или не себе? Но до праздников еще далеко и твоя Рона как-нибудь без букета обойдется. К тому же она... Где, кстати, она? Давненько что-то твоя женушка сюда не навевалась.

– Она больше не придет. Извини.

– Не придет? – трактирщик уставился на него во все глаза. – Постой! Она что, как и Элейн?.. В ничто обратилась?

Робин кивнул.

– Давно?

– Месяц... Уже.

Бенжиरो дернул себя за бороду.

– Не надо вам было заключать брак, Робин. – сказал он. – Да и что за брак – между вампиром и паладином, когда они

к друг другу, даже прикоснуться не могут?! Так, одно название. И кроме расходов прибыли никакой. Ну, скажи, Робин, что ты получил когда вместо кольца Удачи, заимел брачное, а?

– Я на это не из-за прибыли пошел, – Робин вздрогнул и отвел взгляд. – Просто я хотел успокоить Рону. Она так боялась превратиться в ничто. И решила, что если у нее будет муж, то Создатель смилуется над ней и не оставит ее... Поэтому она и пришла ко мне с предложением.

– Тебе не следовало соглашаться, Робин.

– А что я должен был делать, Бенжиро? Рона была моей ученицей. К тому же я сам был виноват, напугал ее, рассказав об Элейн...

– Да, уж, Робин, утешитель из тебя – еще тот! Ты хоть понимаешь – во что это тебе самому обойдется? Ведь заключить союз легко, а попробуй-ка его разорвать! Особенно, когда тебя, твой Создатель – жемчугом не осыпает.

– Я пойду, пожалуй.

– Может закажешь себе кружку эля? Напоследок?

– Нет. Лучше пойду домой. До завтра, Бенжиро.

Робин вышел из трактира. На площади по прежнему было привычно темно, однако народу было – непривычно мало. Впрочем, он и не хотел видеть никого из друзей и знакомых. Только – Рону.

Теперь, когда его жена превратилась в ничто, он мог, наконец, к ней прикоснуться. Мог обнять, мог держать в своих руках ее руки – теперь они стали холодными, как у него... И он мог, в эти мгновения, благодарить покинувшего ее Создателя. Благодарить, проклинать и призывать его вернуться, чтобы он превратил Рону не в ничто, а в вампира. Ведь Всемогущему нетрудно сделать счастливым свое Создание. Достаточно только захотеть. Захотеть...

---

3 тысячелетие. Мир Отражения. Хроники Магических городов – Такара

Серебро и аура

Дождь лил безостановочно и, насколько я помнил прогноз погоды, прекращаться не собирался. Ни этим вечером, ни последующим утром. Сколько я себя помню, последний ме-

сяц весны, всегда был таким: дождливым и холодным, однако же всякий раз, когда он наступал, я забывал об этом. Каждое утро, едва проснувшись, я подходил к окну и разглядывал небо: а вдруг оно прояснилось, а вдруг, сегодня, сейчас солнце, наконец, появится?

Гортиса это раздражало. В отличие от меня, он ненавидел лето, так как был болотным гоблином, причем чистокровным. А вот мне... Мне с чистокровностью, не повезло. Со всем. То же детство и большую часть юности, я провел в закрытой школе, среди таких же невезучих полукровок. Обычно я не вспоминал о своих школьных годах и никогда не ходил на встречи с бывшими одноклассниками. Однако сегодня, вернее завтра вечером, я решил с ними повидаться. Ибо провести весь выходной с тем же Гортисом – мне хотелось еще меньше.

– Собачья погода, – сквозь зубы проговорил Гортис. – Да и служба – тоже!

Я промолчал. После нашей очередной утренней стычки прошло уже много времени, но я все еще был на него зол. Такое происходило впервые. Конечно, все напарники, рано или поздно, начинают цапаться и все же... Не слишком ли рано мы начали?

– Гортис, Резас, как слышите?

Мы оба подняли головы. На столбе мерцал кристалл Связи, бледно-желтый, без единого темного пятнышка. Оно и понятно, мы были в седьмом районе. А откуда в человеческом районе взяться магии?

– Слышим хорошо, – откликнулся Гортис. – Что случилось?

– Проверьте дом на улице королевы Роаны, номер десять. Пришло сообщение, что там кто-то балуется магией. Похоже, это подростки.

– В человеческом районе? – недоверчиво хмыкнул я.

– В человеческом районе бывает кто угодно! – Голос в кристалле взвился до визга и тут же пропал. Да и кристалл погас.

– Не обращай внимания, – посоветовал Гортис. – Наша Нола просто дура.

Я опять промолчал. Три года назад Нола встречалась с Гортисом. Дело у них уже шло к свадьбе, но в последний момент невеста передумала. Горная фея и болотный гоблин,

это знаете ли...

"Должно быть не такая она и дура, наша Нола," – уныло подумал я.

– Резас, я туда сам схожу, – продолжал Гортис. – Упаси боги, а вдруг эти малолетние кретины – эльфами окажутся? Да еще укуренными?

– Чем укуренными?

– Да хотя бы элисарой, – огрызнулся гоблин. – В последнее время молодые эльфы здорово подсели на человеческую наркоту. Она вроде бы усиливает магию.

– Очень смешно.

– Ага. Только извини, я под суд идти не намерен, если ты там вдруг ноги протянешь из-за эльфийской магии.

– Делай как хочешь, – буркнул я.

Дом на улице королевы Роаны выглядел весьма впечатляюще. Десять (по счету номера) этажей вверх, да еще с плоской крышей, сплошь утыканной кристаллами Визуальной Связи. А уж магией от туда несло так, что даже нечув-

ствительному к ней Гортису стало не в моготу.

– Ну, что я говорил, – сплюнул он. – Так и есть – эльфы! Стой здесь.

– Может лучше вызвать подкрепление?

– Э-э, нет. С такой ерундой я сам разберусь.

Гортис исчез в темном подъезде.

Я же остался стоять на улице. Холод и дождь пронизывали меня до костей. К тому же запах магии... Может быть потому, что был каким то не таким? Не полностью эльфийским?

– Мелькоровы уши! – взвыл я, и ругаясь отборным матом помчался за Гортисом. Ну, не мог же этот зеленый болван, в самом деле, уйти далеко? Или мог? И кто здесь баловался магией, а главное – зачем?

– Гортис!

Мой крик и выстрелы прозвучали почти одновременно. Я не видел, что творилось с Гортисом наверху, но я слышал и этого было достаточно. Серебряные пули буквально изрешетили его тело, а он даже не понял, что происходит...

– Гортис! – Снова заорал я. На верхних этажах слышался шум, стрелявшие бежали на крышу. Там были кристаллы и они собирались ими воспользоваться для перемещения.

Гребанные эльфийские полукровки!

Я перепрыгнул несколько ступенек. На верхней площадке, возле стены лежал Гортис, весь почерневший, словно обугленный. И... Больше я ничего не увидел.

В себя я приходил очень медленно. Голова кружилась, перед глазами плыли светлые круги. По всем признакам, я отравился и так, разумеется, оно и было. Жуткий аромат эльфийской магии, вместе в серебром, которое, в свою очередь, смешалось с кровью болотного гоблина... Чего еще можно от всего этого ожидать?

После нескольких попыток мне удалось все таки открыть глаза. Я обнаружил, что лежу на кровати, в очень затененной комнате. И кровать и комната выглядели чужими. К тому же рядом со мной находилась женщина. Она сидела на стуле, возле кровати и ее присутствие доказывало, что я скорей всего нахожусь не у себя, а в больнице.

Когда я приподнялся на кровати, женщина подняла голову и я встретил взгляд чуть прищуренных и горящих глаз. Нола!

– Гортис погиб, – она говорила тихо, с какими то странными интонациями, в голосе. – Ты знаешь?

– Да, – подтвердил я.

– Час назад его кремировали, – ее голос по прежнему был тих и странен.

Я ничего не ответил. Для гоблина, тем более болотного, нет ничего хуже посмертного сожжения. Горные феи так же боятся кремации. И те и другие свято верят, что после превращения тела в пепел, душа умершего никогда больше не сможет вернуться в мир и возродиться в своих потомках. Правда, у Гортиса и так потомков не было. А кремация его тела, между тем, была единственным выходом. Ведь серебро разлагает наши тела, превращая их смертельно опасную, полужидкую субстанцию, которая способна отравить все вокруг: и землю, и воду, и воздух...

– Его родным уже сообщили? – спросил я.

– Да. И они, – Нола запнулась. – Они не смогли придти.

– Их понять можно.

– Можно? – переспросила фея. – Ты совсем кретин, Резас? Впрочем, когда это орки хорошо соображали? Ты что не понимаешь? Они не пришли на его похороны, а значит не заберут его прах для семейного болота!

– Как ты можешь утверждать такое?

– Я могу и утверждаю. А тут еще ты!

– Я?

– Все знают о ваших отношениях, Резас. Впрочем, о наших знали тоже. Сначала горная фея, потом орк-полукровка!

– И что?

– Да, ничего, ведьма тебе в печень! Вот только его семья была в ярости.

– Как и ты?

Нола поднялась со стула.

– У меня были другие причины. Я злюсь, потому что он взял и умер! А как именно Гортис это сделал уже не важно и меня не волнует.

– Хватит врать, – перебил я ее. – Тебя только это и волнует.

– Кретин! – истошно завопила фея. – Орк недоделанный!

От звука ее голоса мне стало дурно. Я повалился на подушку и зажмурился. Какое то время Нола еще металась по комнате, проклиная всех и вся на жаргоне болотных гоблинов, но затем все же исчезла, хлопнув дверью...

Мелькоровы уши, чем я заслужил это? Сначала – Гортиса, теперь вот – Нолу? А дальше только хуже будет. Всю дальнейшую жизнь мне предстоит созерцать в своем доме урну с прахом напарника и, конечно, терпеть визиты неутешной Нолы... Чтоб ее! Ну, что ей стоило выйти за Гортиса три года назад? Ну, что?

Вечер Встречи проходил в баре "Принцесса Севера". Я все же решил туда отправиться. Отчасти потому, что после выписки, мне не хотелось возвращаться домой сразу, а уж перспектива провести ночь в каком-нибудь отейле, да еще в

полном одиночестве, соблазняла меня еще меньше!

Я пришел в бар пораньше. Там оказалось вполне ничего: неяркий, рассеянный свет, мягкий ковер на полу и стены, тоже увешанные коврами... Небольшое заведение. Гортис, пожалуй, назвал бы его забегаловкой, но мне здесь понравилось. Очень мило, уютно и отделано под старину... Самое то, после того, что случилось.

– Ах, Резас, какая встреча! Не ожидала тебя увидеть!

Я обернулся. Возле моего столика остановилась Тариэль. Или, как ее называли в школе – Тари Эннис. В коротком, облегающем платье зеленого оттенка, обвешанная драгоценностями с головы до пят. Я уставился на ее ножные браслеты – из светлого серебра, с изумрудными камнями – они, наверное, тянули на целое состояние.

– Ты неплохо преуспела, Тари, – сказал я.

– Спасибо, – радостно улыбнулась она, – Мне пришлось для этого постараться. А ты, как я вижу, не слишком преуспеваешь?

Мне оставалось только плечами пожать. Тари всегда была не прочь прихвастнуть, но в сущности была доброй девчон-

кой. Так, что я вполне мог за нее порадоваться. Тем более, что она действительно старалась. Быть девочкой по вызову, пусть даже очень высокооплачиваемой – нелегко. Впрочем, будь я чуть по красивее, то пожалуй, сейчас и я бы задумался о подобной карьере. Красивые шмотки, богатые красавцы-эльфы, деньги рекой, бары и рестораны – ну что еще может быть лучше?

Я улыбнулся, вздохнул и тут же насторожился. В памяти сразу всплыл темный подъезд, запах серебра, наркотиков и магии. Нет, не может быть. Но как же тогда? Как же тогда этот запах? Ни один орк не может перепутать запах, пусть и не чистокровный орк...

Я вскочил, схватил Тари и усадил ее на свой стол.

– Резас, что с тобой? – завопила она.

До нее явно не доходило, что происходит. А уж когда я уткнулся носом в ее ножной браслет, она окончательно растерялась. Да и кто бы не растерялся на ее месте?!

Ко мне подскочил бармен, а с ним еще двое – по виду охранники.

– Молодой человек, – начал было он.

– Я не человек, – возразил я и сунул ему под нос свою печатку. – Полиция!

Тари застыла на столе, как снежная статуя. Бармен и охранники тоже побледнели. А я снова заговорил:

– Серебро, тем более, такой сплав, как у тебя, впитывает себя все, особенно магию. Гортис ей обладал и ты знала об этом.

– Нет!

– Ты знала, – повторил я. – Поэтому ты и воспользовалась таким необычным оружием. Вот только, то что твои браслеты впитают часть его магической ауры, ты не учла, верно? Иначе бы избавилась от них...

– Ты с ума сошел? – снежная статуя внезапно оживилась. – Да они же стоят полмиллиона!

Бармен выпучил глаза и икнул. Я посмотрел на него, потом перевел взгляд на нее.

– Ну, конечно же, полмиллиона. Очередной раз – жадность эльфа погубила. Тариэль Эннис, именем королевы и

законов тринадцати таблиц, объявляю, что вы арестованы.
3 тысячелетие. Мир Отражения. Хроники Магических городов – Роана.

Часть 2. 2 тысячелетие.

Новый день

Новый день всегда начинался одинаково...

Рапунцель вставала, подходила к окну и смотрела на небо. Оно почти никогда не менялось, синее и яркое, оно проглядывало в просветах между облаками и смотреть на него она могла бесконечно долго. Вот только времени на это, увы, не было достаточно.

Рапунцель вздохнула. За прозрачным оконным стеклом жил своей жизнью мир, который ей хотелось узнать когда-то. Но тогда она еще была юной девушкой, очень наивной, очень доверчивой, очень любопытной и... Ничего не знающей о своем королевском происхождении.

За окном шумел ветер. Рапунцель закрыла глаза и прижалась щекой к стеклу. Она чувствовала себя по прежнему юной, вот только наивности и доверчивости у нее совсем не осталось. Да и любопытной она уже давно не была, ибо "чем

меньше знаешь, тем крепче спишь". К тому же, по другому у нее с Юджином просто не получалось. Ох, уж этот Юджин!..

Рапунцель снова вздохнула. Юджин опять ушел из дворца, на ночь глядя, как сообщила ей одна из придворных дам. Принцесса не спросила ее куда он отправился, как раз потому, что той очень не терпелось выложить ей все подробности: где, с кем и как развлекается добрый друг будущей королевы. В то время, пока она пребывает в трауре по своим безвременно умершим родителям...

Рапунцель отошла от окна. Теперь ее взгляд остановился на зеркале, покрытым темной тканью. Она шагнула к нему, отдернула в сторону занавесь и улыбнулась отражению, словно действительно доброму другу. В отличие от того же Юджина.

"Ты меня никогда не оставишь, верно?" – подумала Рапунцель.

Отражение повторило ее жест и ее улыбку. Принцесса коснулась рукой стекла, сжала пальцы... Гладкая поверхность поддалась и она ощутила ответное пожатие: теплое, крепкое и надежное.

"Скоро я стану королевой, – подумала Рапунцель. – А Юд-

жин... Пусть отправляется, куда хочет. Хоть к дочери лесничего, хоть к жене мельника, хоть к этой противной вдове трактирщика! Может быть, мне не следует так поступать, но все же я не могу забыть, что он помог мне когда-то и что его, в отличие от родителей, я хоть знала. И, да, как же я его любила... Когда-то."

Отражение сильнее сжало ей пальцы. Оно выглядело встревоженным и Рапунцель снова ему улыбнулась, что бы рассеять его тревогу.

Начинался новый день.

Ее зеркало

...Сначала она принимает его за очередную дорогую картину: слуга, очень осторожно и бережно, достает из сундука нечто, завернутое в плотную ткань и ей становится интересно, кого же на ней изобразил художник? Кто там – святая Мадонна с младенцем или прекрасная, языческая богиня? Она внимательно смотрит, как с него совлекают покровы. Широкая, золотая рама, сплошь усыпанная изумрудами, поражает своей роскошью, а еще больше причудливостью линий – они выступают на гладкой поверхности, словно волны на морской глади. Она трогает их и вздрагивает: золото отдает холодом и, кажется, резные волны на нем вот-вот станут острыми, как лезвия кинжалов.

Она отступает на шаг. Взгляд ее скользит чуть ниже и вместо картины, наполненной яркими красками, она видит лишь ровную и гладкую серебристую поверхность... И больше – ничего!

Она опять тянется к нему руками, удивленная, недоумевающая и вдруг видит там себя. В свете яркого летнего дня, она сияет красотой и молодостью, подобная богине, рожденной из волн и пены морской.

– Венера, – шепчет Лукреция Борджия и целует зеркало. Ее выбор сделан. Что на свете может быть прекраснее любви? Вот только...

Она не знает еще, что лето сменяется зимой, день – ночью, а любовь не вечна – даже у бессмертных богинь.

За окном холод и ночь. Она снова одна, не считая служанки. Которая, конечно же, в счет не идет, но с которой ей в последнее время приходится беседовать все чаще – ведь никого другого рядом с ней нет... Разве что, это зеркало. В золотой раме, украшенной изумрудами, оно стоит целое состояние. Когда то давно, еще до встречи с ней, лорд Винтер привез его из Италии, вместе с перстнем Борджия. Перстень,

кстати, лорд преподнес ей в подарок, на свадьбу. А вот зеркало, она получила уже после похорон... Вместе со всем состоянием мужа, что тоже, разумеется, кстати.

Она смотрит на свое отражение. Время, кажется, не имеет над ней никакой власти. Она все так же молода и прекрасна! Белоснежная кожа, локоны, отливающие серебром, руки и плечи, словно изваянные из мрамора античным скульптором... О, да, она еще может быть счастливой! Достаточно будет уехать из этой серой и унылой страны и, благодаря состоянию покойного мужа, ее жизнь будет другой. Совсем другой!

– Франция! – шепчет графиня Винтер и улыбается. Что может быть прекраснее родной страны? Вот только...

Она не знает еще, что жизнь везде одинакова, что богатство не ограждает от несчастий, а смерть, в отличие, от времени, властвует над всеми. Ведь даже боги умирают!

Солнце медленно клонится к горизонту. Облака, море и камни – отливают огнем: ярким, неистовым, жгучим... Она чувствует себя такой же и знает, что другие тоже разделяют ее чувства. Но сейчас ей нет дела до них, ее внимание привлекает совсем другое...

Она разглядывает зеркало. Оно выглядит таким же древним, как и сам замок, но есть в нем что-то от чего ей не по себе. Может быть, потому, что являясь жрицей Огненного Бога, она может разглядеть в нем то, что скрыто от остальных?

Она делает шаг к зеркалу. Отражение в нем меняется и вместо высокой женщины, с огненными волосами и глазами, перед ней предстает смеющаяся девушка, с золотыми локонами и в роскошном платье, расшитым золотом. Она хмурится, недовольно и недоуменно и девушка исчезает. Золото рассыпается в прах, смех сменяется плачем... Зеркало темнеет и тогда из мрака выступает другое, но тоже не ее! – лицо. Ослепительно белое, с тонкими бровями и алыми губами. Она видит, как капризно изгибаются эти тонкие брови, видит как губы складываются в улыбку, радостную и удовлетворенную. А через мгновение – отражение в зеркале расклевывает вспышка света и до нее доносится короткий вскрик и звук удара. Удар меча – его она не спутает не с чем, будет помнить вечно. Как и то, что здесь, среди людей, любовь – быстротечна, богатство – не всесильно, а власть – переходяща.

– Р,оглор! – шепчет Милисандра и закрывает глаза. Ее выбор сделан. Что может быть прекраснее, чем служение Ис-

тинному Богу? Вот только...

Она не знает еще, что все боги истинны, а не только один.

Золотая рыбка

Рыбка была что надо: большая, с пышным хвостом и с золотой чешуей. Тесокабе Моточика взвесил ее на руке, улыбнулся, предвкушая отменный ужин, но тут надо же! – случилось случилось чудо.

Рыбка заговорила.

– Отпусти меня, аники! – сказала она. – И я исполню любое твое желание!

– Ты откуда меня знаешь? – удивился Тесокабе. – Да и что ты можешь сделать?

– Я волшебная рыба, – его собеседница обмахнулась хвостом, как веером. – И знаю всех. А желание... Я могу исполнить одно твое желание. Что ты больше всего желаешь?

– М-м, – Тесокабе задумчиво оглядел свою добычу. – А что ты можешь исполнить?

– Что? – рыбка тоже задумалась. Затем начала перечис-

лять. – Я могу подарить тебе дворец, много золота и власть.

– Это у меня и так есть!

– Еще – жену...

– Какую жену?

– Из хорошего рода! – рыбка опять обмахнулась хвостом. – С богатым приданным!

– И где ты такую возьмешь? – саркастически хмыкнул Тесокабе. – Когда вокруг одни мужики? В Сацуме – сидит старый дед, в Каи – дедуля помоложе, в Этиго – тоже дядя в возрасте, а в Осю обитает Дракон, пусть молодой, но ведь парень же, к тому же без глаза!

– Ты тоже, между прочим, одноглазый, – заметила рыбка.

– И что? – прищурился Тесокабе. – Мне теперь такую же искать?

– Ну... Я могла бы тебе в этом помочь.

– Да за такое, я тебя сейчас в чешуе сварю! – возмущенно заорал он. – Что придумала, дрянь волшебная!

– Но ведь вы же, – лепетала рыбка. – Вы же в любом случае – женитесь не по любви!

– На одноглазой уродине я в жизни не женюсь, пусть за ней весь Север в приданное дают! – продолжал возмущаться Тесокабе.

– В самом деле? – недоверчиво спросила рыбка.

Ее собеседник умолк и задумался.

– Так ты можешь Дракона превратить в женщину? – любопытствовал он.

– Да, могу.

– А вернуть ей глаз и сделать м-м... Покрасивее?

– Это – нет. Я не на столько могущественна.

Тесокабе снова впал в задумчивость.

– Дракон – в качестве жены???

– А что, ты еще кого то хочешь?

– Пожалуй – да.

– Но ведь желание одно! – запротестовала рыбка.

– Ага, – радостно согласился Тесокабе. – И жизнь у тебя тоже – одна!

– Негодяй! Вымогатель!

– Ты давай уж, выбирай, – он снова взвесил ее на руке. – И слова – тоже!

– Хорошо, – насупилась рыбка. – Говори, что еще хочешь?

Тесокабе слегка прикусил губу.

– Хочу еще Мори в бабу превратить. Ну и забрать к себе.

– Он то тебе зачем понадобился? – удивилась рыбка. – Вы же заклятые враги!

– Вот именно. – усмехнулся ее собеседник. – С врагами надо разбираться! К тому же Аки рядом и чего то да стоит...

– Но ты бы ее и так смог завоевать... – возразила рыбка. –

После женитьбы на Дате, с помощью его... ее армии.

– Да, конечно. Только это не то...

– А что тебе надо?

– Ну, Мори, он хоть с двумя глазами и красавчик, каких поискать... К тому же я бы исполнил волю отца.

– При чем тут твой отец, аники? Он уже давно умер!

– Воля родителей священна и после их смерти! – вестко произнес Тесокабе. – А мой отец хотел, чтобы у Мори вместо сына была наследница. Тогда бы нам и воевать не пришлось.

Рыбка вздохнула и по новой принялась обмахиваться хвостом.

– Что ж, ради твоего отца, я, пожалуй, исполню твое второе желание.

– А – третье?

– Третье???

Возмущенная рыбка рванулась из его рук так сильно, что

Тесокабе ее не удержал. Она упала рядом, на песок и тут же превратилась в девушку с янтарными глазами, в золотых украшениях, одетую в платье из шелка и расшитое тем же золотом, разумеется, прекрасную, как и оно и подобает волшебному созданию.

Тесокабе снова подхватил ее на руки.

– Прекрати, пожалуйста! – взмолилась девушка-рыбка. – Я выполню все, что ты хочешь, только отпусти меня!

– Вот как?

– Скажи, наконец: "Я хочу, чтобы..." И твое желание исполнится!

– Сразу?

– Да!

Тесокабе улыбнулся.

– Тогда я хочу, чтобы ты меня сейчас же полюбила и стала моей женой. – Девушка вскрикнула, прикрываясь рукавом, и он тут же поспешил прибавить: – Одной, единственной, милая. Других мне не надо.

Последний разговор

Мори Мотонари, правитель Аки, никогда не любил море. Оно было слишком непредсказуемым, слишком опасным и слишком коварным. Его близость всегда вызывала у него неприятную дрожь, даже теперь. Или, что было вернее, не даже, а особенно – теперь.

Мори вздохнул. Его взгляд снова скользнул по стенам. Они выглядели крепкими и темными и по цвету и на ощупь напоминали бронзу. Для кораблей Страны Восходящего Солнца это было необычно, но его враг всегда отдавал предпочтение самым необычным вещам. Начиная от оружия, и кончая – кораблями.

"Мне следовало догадаться раньше, – подумал он. – Я ведь читал древние летописи! Да и Такенака тоже говорил мне об этом. Но он был на службе у Тоетоми, к тому же сам принадлежал к роду древних людей, так что ничего другого от него я не ожидал. И напрасно!"

Теперь его взгляд остановился на полу. Стратег Тоетоми по-прежнему лежал неподвижно, словно покойник, однако теперь он слышал его дыхание и видел, как затягиваются на его плече кровавые раны – следы от зубов демона. Его собственное плечо было чистым и почти не болело. Только

вот радоваться этому обстоятельству к сожалению, не приходилось.

"Человек умирает от укуса демона во время полной луны" – писали древние. Мори не знал, как именно, но стоило ему вспомнить довольную и мерзкую ухмылку Тесокабэ, а так же довольные и мерзкие рожи остальных пиратов и у него кровь стыла в жилах.

"Они явятся сюда ночью, – понял Мори. – Или, скорее, вытащат нас отсюда и привяжут к мачтам. В летописях писали о таких казнях. Причем, без подробностей. Наверно, потому что демоны очень редко к ним прибегали, а люди их просто не видели. Впрочем, возможно, где-то и видели. Но не в Аки".

Он вздохнул. Мысли у него путались и чувства, вместе с ощущениями тоже были странными. Чужими. "Сколько же времени это занимает? – продолжал размышлять Мори. – И что за это время происходит с человеком? Возможно ли, что укус действует, как яд? Но ведь яд не всегда действует. Особенно, если человек заранее приучил себя к нему."

Мори слегка прикусил губу. Он вспомнил, как один из его людей пытался дать ему чашу с ядом. "Очевидно, этот негодяй достал очень редкую отраву, – заключил правитель

Аки. – Она была способна убить даже самого подготовленного человека. И укусы демона очевидно тоже действуют так. Но все же... Все же – как?"

Он опять бросил взгляд на Такенаку. И в этот момент, тот повернул голову в его сторону. Однако выглядел стратег, не больше не меньше, как выходец с того света, а его глаза – ярко-сиреневые с кровавыми искрами вместо зрачков – ничего не выражали.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

– Мори? – наконец проговорил Такенака. – Зачем ты оставил меня в живых?

Голос его звучал как-то странно. Хриплый и сдавленный, каким обычно говорят люди после долгого приступа кашля.

Мори нахмурился.

– Я тут не причем, – сказал он. – Это... Тесокабэ.

– Тесокабэ? – повторил Такенака.

– Да. Он выжил и объединился с Драконом из Осю.

Стратег Тоетоми приподнялся и сел. Его взгляд скользнул по правителю Аки, потом он быстро оглядел себя и прижал пальцы к плечу. Его бледное лицо стало еще бледнее, губы сложились в тонкую линию.

– Я полагаю, ты все понял, – Мори старался говорить спокойно. – Твой господин уже погиб, к счастью, в бою, и теперь очередь за остальными. Может расскажешь как это с нами произойдет... Со всеми подробностями?

– С нами?

– Меня тоже укусили. – Мори нахмурился еще больше.

Такенака бросил на него быстрый взгляд.

– Но ты выглядишь как обычно. – возразил он.

– Да, возможно, – согласился Мори. – Во мне ведь почти нет древней крови.

– Значит, я...

– Ты выглядишь отвратительно, – хладнокровно подтвердил правитель Аки.

Стратег отвернулся. Мори ждал, что он скажет, но так и не дождался и заговорил опять.

– Так что же? – спросил он. – Ты знаешь, что с нами будет происходить и сколько времени?

– Точно – не знаю. – еле слышно ответил Такенака. – В летописях пишут, что иногда это идет очень быстро, а иногда – медленно.

– Это – что?

– Превращение. Здешние демоны имеют два обличья и второе – звериное.

– Хочешь сказать, мы тоже превратимся в зверей? – Мори вздрогнул от отвращения.

Такенака отрицательно покачал головой.

– Мы, нет. Люди умирают во время превращения. – он загнулся. – Те, в ком есть древняя кровь умирают очень долго и мучительно. А обычные люди умирают быстро.

– А правители?

– По другому.

– Почему?

– Потому что, как правило, они пытаются обезопасить себя и свою семью от яда.

– Это мешает? Или нет?

– Да, это мешает. Правители умирают еще до ночи. Еще до того, как солнце до половины заходит за горизонт.

– Медленно или быстро?

– Быстро.

Мори посмотрел на него. Такенака на этот раз не отвел взгляд.

– Люди мало знают о демонах, – сказал стратег. – Но демоны знают о людях еще меньше. Даже об их правителях.

– Что ж, мне очень повезло родиться в семье правителя, – сказал правитель Аки. – И с детства приучиться к яду.

– Конечно, – усмехнулся Такенака. – Должно же в этом

мире хоть кому-нибудь и хоть когда-нибудь повезти!

До заката оставалось каких-то два часа..

Воины Света

Подобные общества существуют во все времена. Это тоже не было исключением. Единственное, что отличало его от других – только то, что оно возникло сравнительно недавно – не больше трех или четырех столетий назад...

Влад Виарон попал в него отнюдь не случайно. Впрочем, попасть случайно в такое общество было невозможно. Кроме ума и желания, требовались так же и определенные способности, а они передавались только по наследству. Так что попасть туда могли только выходцы из определенных семей. И Влад оказался одним из немногих.

Он был тогда слишком молод и свое членство в этом Обществе воспринимал как что-то исключительное и весьма почетное. Со временем его чувства изменились: он перестал считать свое положение таким уж почетным, да и понятие исключительности с годами стало приобретать другой смысл. Причем, не только другой, но и совершенно противоположный.

Влад иногда задумывался над этим, однако, чаще всего старался отогнать от себя подобные мысли. Изменить свою жизнь он не мог, да и по большому счету – не хотел. Идти против своей природы, только потому, что она разительно отличается от природы других – было бы изрядной глупостью, а Влад отнюдь не был глупцом. Да и кто кроме него, да еще двух десятков подобных ему, смог бы этим заниматься?

За дверью послышались шаги. Влад прислушался. Его напарник на сегодняшний день, тоже явно не торопился приступить к работе. "Может, с недавнего времени, он тоже думает, как его угораздило родиться именно в этом клане? – усмехнулся про себя Влад. – Ведь превращаться в дневные часы для оборотня, такая же редкость, как для вампира бодрствовать днем... И избегать луны. Жаль, что я никогда не смогу поговорить с ним об этом. Жаль. Но, как бы то не было, приходится делать то, что мы можем, а не то, что нам хотелось бы делать!»

Он поднялся и распахнул дверь. На улице уже было совсем светло. Начинался новый день и воины Света вновь становились на стражу. Для того, что бы все существа, рожденные во Тьме, могли спать спокойно.

Ловушка

Покой – это ложь.

Есть только страсть.

(девиз ситхов).

В последнее время это происходило все чаще. Ему стал сниться Явин. В первый раз, правда, он не понял, что именно ему сниться... По крайней мере, в начале. Моред видел только пламя, невыносимо горячее, и чувствовал, как оно накатывает на него, вместе с яростью. Ярость уже давно была для него привычной, но во сне он ощущал ее намного сильнее. Как тогда...

Моред задержал дыхание. Пламя продолжало плясать вокруг него, однако теперь, кроме пламени, он видел еще кое-что. Дом, который горел, неподвижные тела на земле и тариэль... Тоненькое деревце, с белым стволом и пышной темной кроной, то самое... Мать посадила его возле их дома, когда ему исполнилось два года. А потом она стала называть так его сестренку. Та и в самом деле походила на тариэль: белокожая, тоненькая, с пышными темными волосами. В тот день она осталась в доме с родителями и погибла вместе с ними. Она лежала, как раз возле любимого дерева, очевидно, ее убили первой...

Тариэль!

Ту, светлую, тоже звали Тариэль.

Моред заметил ее во время боя. Стройная, темноволосая и по юношески угловатая, она почему-то показалась ему очень знакомой. Почему? Он не понял, но тем не менее это ощущение не проходило. Он, без сомнения, видел ее раньше – только где? Где?

А она тем временем, продвигалась вперед. Меч в ее руках, с двойными светло-голубыми лезвиями, казался особенно огромным. Однако Моред с легкостью отбил ее выпад, и в следующий момент она оказалась прижатой к каменным плитам. Он замахнулся для следующего удара, но к нему уже спешил другой противник.

– Тариэль! – закричал он. – Уходи, немедленно!

Девушка повиновалась. Моред видел, как она убегает и испытывал почти облегчение. Почти.

А ночью ему приснился Явин.

Учителю он так ничего и не сказал. Они были вместе уже пятнадцать лет, срок достаточный. Темные джедаи живут

мало, его учитель, будучи лордом, конечно же, знал об этом. Так зачем было ему говорить?

Моред задумался. Сны о Явине стали повторяться, Сила явно хотела что-то донести до него, только он не понимал, что же именно? Если это было предупреждение о скорой смерти, то ему вполне и одного раза хватило бы. Для чего же тогда?..

Моред сосредоточился на своих ощущениях. Перед его глазами снова появилась та девчонка с мечом. Тариэль? Ну, да, так ее назвал тот... Мастер-джедай, чтоб ему сгореть! Чем он думал, когда тащил в бой ребенка? Уж явно не головой...

А девочка? У нее были темные волосы, острые локти и очень белая кожа. Тариэль... Тариэль!

Разве можно ее звать как-то иначе?

Он понял, чего от него хочет Сила, когда увидел ее второй раз. Это случилось снова во время боя. Моред сразу заметил, что ее учитель был далеко, зато она, более быстрая, опередила его, вырвалась вперед. Тогда еще он подумал, что мастер больше ей не поможет и что он с ней быстро справится. Не убьет, конечно, ни за что! Она нужна ему живой.

Чтобы прикоснуться к ее рукам, тонким и белым, погладить ее волосы, такие пышные и такие мягкие...

Девушка была уже близко.

Теперь Моред видел ее более отчетливо. Видел ее лицо, нежное, совсем детское и темно-серые глаза...

В этот раз его удар был не таким сильным. Тариэль устояла на ногах и ударила в ответ, но не мечом... Она обрушила скалу, прямо позади Моред и обломки рухнули прямо на него и на нее.

Последнее, что запомнила Тариэль, это ветер и пламя, оно словно вырвалось из-под земли, поднялось до самого неба...

А затем темный джедай схватил и бросил ее на ту же самую землю.

– Тариэль?

Она обернулась. Учитель стоял рядом и стоял, наверное, уже давно.

– Что с тобой? – спросил он.

– Не знаю, – ответила Тариэль. – Я не могу сосредоточиться для медитации, ничего не помогает. То, что случилось...

– Он выживет.

Тариэль побледнела.

– Не надо! Я не хочу о нем говорить, – сказала она.

– Правда?

Тариэль опустила глаза.

– Мне было страшно, – наконец призналась она. – Он... Он не хотел меня убивать. Не знаю почему. Просто я так это почувствовала.

Учитель согласно кивнул.

– У Темной стороны много ловушек, – сказал он. – Тот, кто следует ей, рано или поздно, но всегда попадает в одну из них.

Тариэль отступила на шаг.

– Значит я стала такой ловушкой? Я? Как же?...

– Ты красивая девушка, Тариэль. Очень красивая.

– Да нет же! – вспыхнула она. – Я вовсе не такая! И этот... Моред! Он ведь такой урод. Видели бы его лицо! Все в шрамах! А руки!..

– Я видел, – учитель сжал ей плечо.

Тариэль умолкла. Какое-то время они молчали, затем она заговорила снова:

– Мы никогда больше не увидимся. Даже если он выживет, то все равно... – голос ее дрогнул.

Учитель покачал головой.

– Знаешь, Тариэль, когда-то древние говорили: "Не позволяй здравому смыслу разрушить свои мечты. Никогда".

– Никогда?

– Никогда. Иначе ты всю жизнь будешь жалеть об этом.

Тариэль не ответила. Впрочем, учитель и не ждал от нее

ответа.

Зато ночью, в первый раз, ей приснился Явин.